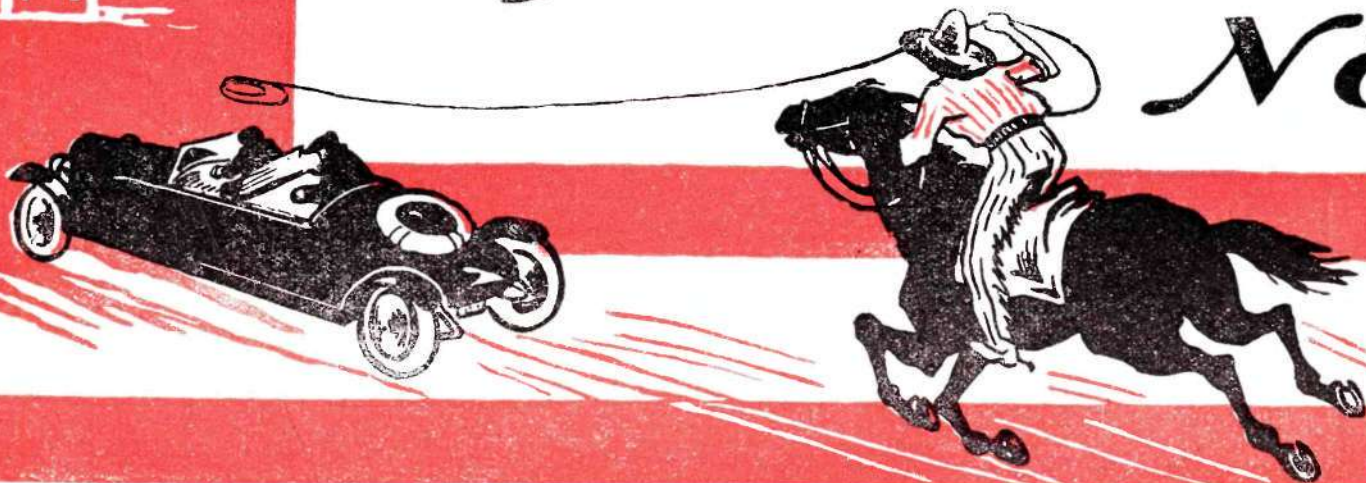
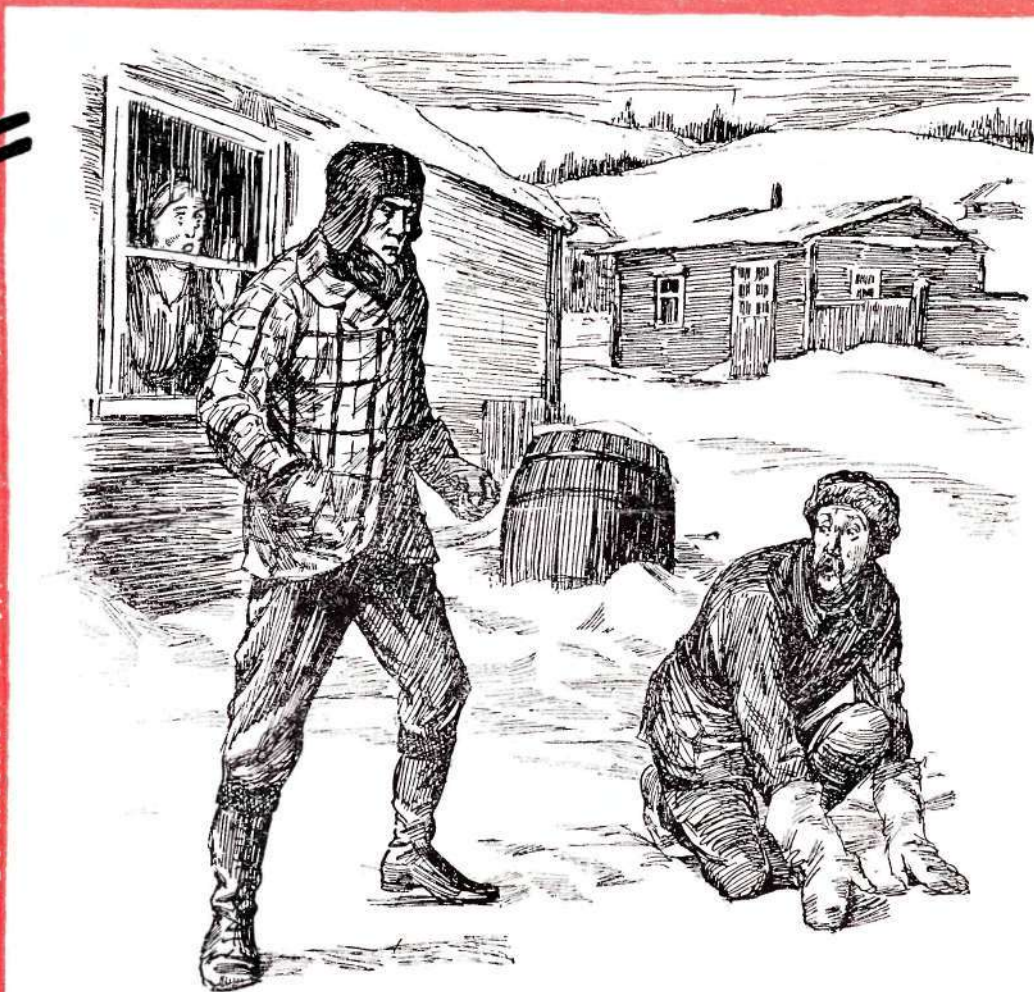




Вокруг Света



№8

НОВИНКИ!

Белининов. Практическая фотография, в 3 частях, 344 стр. 129 рис. 3 р. * Его же. Как получить хороший негатив. 80 к. * Рудь. 2.000 практич. технич. рецептов. 3 р. 50 к. * Дедарина. Кухня на плите и примусе. 550 мясных и вегетариан. блюд. 1 р. 20 к. * Фонтенлюз. Вегетарианские блюда для медич. родокашек, стюков и электростанц. 176 стр. 2 р. 50 к. * Кнейп. Мое в долечение. 1 р. 25 к. * Якобзон. Овчизн у мужчин и женщин. 2 р. 50 к. * Федоров. Домашний ремесленник. Все ремесла в одной книге: плотн., столярн., токарн., бочарн., перепл. кузнечн., слесарн., паяние, лужение, никелир. в., овчин., мылов., сере в чн., рахмал., зерка., обувн., гончарн., в чн., матерн., штуратурн., изготов. радиопрннмн. 3 р.

НОВЫЙ АЛЬБОМ РИСУНКОВ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНИЯ

из дерева. Около 250 деталей на 30 листах. Состав. худож. Таранова. 3 р. (с пересылкой 3 р. 50 к.) Цены без пересылки. Выдается наложен. платеж.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН А. С. СТЕПАНОВА

ЛЕНИНГРАД, 28, просп. Володарского, 31.

„БЫСТРОСЧЕТ“

Искусство производить в уме вычисления с быстротою мысли. Авт. франц. проф. Луи Ришар. Цена с пересылкой 1 р. 50 к. Адр.: Фо. ква ул. Герцена, 22/17. Книжное дело „Просвещение“.

6.50 С ПЕРЕСЫЛКОЙ И УПАКОВКОЙ ПРИ УСЛОВИИ ВЫСЫЛКИ ВСЕХ ДЕНЕГ ВПЕРЕД

СТАНДАРТНАЯ ПОСЫЛКА №3

СОДЕРЖАЩАЯ СЛЕДУЮЩИИ НАБОР для БРИТЬЯ.

1 БЕЗОПАСНУЮ БРИТВУ ШВЕД.	2 КУСКА ПАСТЫ ДЛЯ ПРАВКИ
СКИИ ШИЛЕТ	ТОЧКА БРИТВ «ЛЕЗВИИ
2 ЛЕЗВИИ И ПЕН	1 МОРОБКУ МЫЛЫИ ПОРОШКА
1 КИСТЬ ДЛЯ БРИТЬЯ	1 СКЛАДНОЕ ЗЕРКАЛО
1 ЧАШКУ АЛЮМИИ ДЛЯ МЫЛА	1 КОРОБКУ ПУДРЫ
1 СТАКАИИ ВОДЫ	1 ПУКОВКУ

И КРОМЕ ТОГО ВЕШЕВОИ ЛОТЕРЕИ ДЕТКОМИССИИ В ЦЕНК С ГЛАВН ВЫИГРЫШЕМ: **5000** р.

РОЗЫГРЫШИ В МОСКВЕ 1-го АВГУСТА 1928.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ МОСКВА-ЦЕНТР МОСКВОРЕЧКАЯ ул. 24

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПОЧТОВО-ДОСЫЛКОНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ = **УНИВЕРПОЧТ**

НОВЫИ ПРЕС-КУРАНТ ВСЕХ ТОВАРОВ УНИВЕРПОЧТ №12. 1928. 30к.

Единственный по своей легкости. Общий цифровой самоучитель для ГИТАРЫ, МАНДОЛИНЫ и БАЛАЛАЙКИ, новым песнями, романсами и проч. высылается за 2 р. 85 к.

ДЛЯ ГАРМОНИИ (духр.) та ой же самоуч., с 30 музык. М.М. вы. з 2 р. 80 к.

Адр.: Москва, ул. Герцена, 22/17. Книжное дело „Просвещение“.

Комп. тельный ус. вер. в. т. в. о. в. а. л. ый

СЧЕТЧИК Ценз 50 и п.

Доступен всем без затраты труда. Без настраивания, дает готовые результаты умножения, деления, вычисления процентов, автоматически высчит. немед. по получ. заказа и 5 коп. За перес. и упак. 17 коп., всего 67 коп. (можно на к.). Заказы и деньги направлять: Москва, Почтамт. почтовый ящик 1.083, автору А. И. ЦУКЕРШТЕЙНУ.

КРАСНАЯ ГАЗЕТА

Фонтанка, 57. Ш. С. С. Ф. 603-41

ФОТО-ЦИНКОГРАФИЯ Оборудованная по последнему слову техники заграничной фото-аппаратурой и мшинами.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ И СРОЧНОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАКАЗОВ НА ТРЕХЦВЕТНУ, ДИПЛЕКС, АВТОТИПНЫЕ И ШТРИХОВЫЕ

КЛИШЕ

ПОЛНЫЙ СПРАВОЧНИК ПО ФИЗКУЛЬТУРЕ

Под общ. ред. В. Н. Короновского. Одобрен Лен. Советом Физкультуры. Около 600 страниц текста. Более 100 р. су. ков. Легкая атлетика. Шведская гимнастика. Зимний спорт. Водны спорт. Ребной спорт. Парусный спорт. Французск. ая борьба. Джиу-джитсу. Английск. й окс. Фехтование. Т. жезла атлетика. Вело-прод. Спортивные игры: хавд-бол, хоккей, фут-бол, баскет-бол. Цена с пересылкой 2 р. 90 к. Адр.: Москва, ул. Герцена, 22/17. Книжное дело „Просвещение“.

ЧИТАЙТЕ

самый дешевый ед. нств. в СССР юзернств. еский ЖУРНАЛ

ПУШКА

Лена отд. № 5 исп.

СПЕШИТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА ЖУРНАЛ „ВОКРУГ СВЕТА“ на 1928 год.

„Дневник Вырубовой“

ЧИТАЙТЕ В АЛЬМАНАХЕ

„Минувшие дни“

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ

ВЫПУСКИ ПЕРВЫИ И ВТОРОИ

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

ЛЕНИНГРАД, 2, Фонтанка, 57. Глав. Контора Издательства „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Розничная продажа во всех книжных магазинах и газетных киосках.

Цена отдельного выпуска 75 коп.

Издательство „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“

Вышла и поступила в продажу

новая книга

К. ЧУКОВСКИЙ

МАЛЕНЬКИЕ ДЕТИ

СОДЕРЖАНИЕ:

ДЕТСКИЙ ЯЗЫК. ЭНИКИКИ. ЛЕПЫЕ НЕЛЕПИЦЫ.

Ленинград, 95 стр. 21 иллюстрация. Двухкрасочная обложка.

Цена 1 рубль

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ: ЛЕНИНГРАД, 2, Фонтанка, 57. Глав. Контора И д-ва „КР. ГАЗЕТА“.

ЧИТАЙТЕ ЛИТЕР. ТУРНИИ ЖУРНАЛ „КРАСНАЯ ПАНОРАМА“

ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ,
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ,
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА
Лгр., Фонтанка, 57.
„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.
Тлф. 175-38.

Вокруг Света

№ 8

1928 г.
ФЕВРАЛЬ
25

ГОД ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ

Содержание: В. Аристов. „На саранчу“. — В. Поздняков. „Черный конус“. — О. Джоунс. „Последний подвиг Перка“. — Г. Прокофьев. „В старой башне“. — Р. Киплинг. „Бразильские очерки“. — Г. Раунтри. „Животные перед судом“. — В. Хайсаров. „Подводный крейсер“.



САРАНЧА ОТРОЖДАЕТСЯ.

Я, шоффер Кулик и зоолог Диде изнывали от жары и скуки, когда к палатке подъехал разведчик Туадук. Калмык, не торопясь, слез с верблюда, почесал всей пятерней грудь, поправил на голове войлочную шляпу и, только придав себе таким образом необходимую внешность, протянул мне твердую жилистую руку.

— Здравствуй, товарищ! Инструктор тебе письмо писал! — Калмык говорил, слегка коверкая русские слова. Он полез за пазуху и извлек оттуда грязный, измятый конверт.

— Читай и ответ давай! — лаконически изрек Тундук, опускаясь на землю возле палатки.

Я быстро пробежал письмо.

Инструктор Манычского участка сообщал о начавшемся отрождении саранчи.

Вести были не особенно утешительные. Саранча вышла из кубышек дней на пять ранее, чем мы все ожидали. Необходимые приготовления к встрече врага были еще далеко не закончены.

— Много саранчи? — обратился я к Тундуку, сидевшему, поджав под себя ноги.

— Ай, многа, ай, многа, вся земля черный! — запричитал калмык. — Маленький, как комашка, траву кушает. Траву скушает, чем баранов кормить будешь. А потом полетит саранча, у мужиков хлеб скушает. Баран пропал — калмык пропал, хлеб пропал — мужик пропал. Что будешь делать? (Всем беда, ох, какая беда!

Тундук все более и более сгущал краски.

— Прошлый год саранча тучами летела, все с Астрахани, солнце закрыла, страшно было, часть здесь закрутилась, часть к трухменам¹⁾ и русским улетела. А теперь...

Я прервал калмыка. Рассказ о прошлогоднем налете саранчи я слышал от «его уже несколько раз

Тундук глубоко вздохнул.

— Что будет, что будет?

¹⁾ Остатки кочевого народа, живут в Ставропольском округе.

Очерк В. АРИСТОВА.

Рисунки Н. ДОРМИДОНТОВА.

Его круглая голова горестно качнулась несколько раз. — Тепленький¹⁾ нема? — вдруг встрепенулся калмык. — Шибко пить хочется.

— Бишь, чего захотел, да еще в такую жару! — неодобрительно проворчал шоффер. — Не запаслись для такого гостя.

— Нема, так нема! — согласился разведчик. — Пиши скорей письмо, везти будем.

Я написал несколько строк и, загечатав конверт, передал его калмыку.

Конверт исчез за пазухой. Тундук протянул мне руку. — Прощай, товарищ! Пожалиста приезжай, саранчу давить будем.

Верблюд нехотя поднялся, пронзительно заревел и побежал, далеко отбрасывая назад длинные ноги.

Мы, лениво перебрасываясь словами, долго глядели из палатки вслед удалявшемуся Тундуку, пока и он и его верблюд не слились в одну едва видимую точку.

Солнце заметно клонилось к западу. Жара спадала. Проворно шныряли вокруг палатки суслики. Степь быстро пробуждалась от знойного полуденного сна.

Наш дряхленький полугрузовик «Форд» медленно пробирался по глубокому степному оврагу, направляясь к Манычу. Иногда колеса по самые оси зарывались в мелкий, как пыль, песок. Мы останавливались, шоффер Кулик вставал со своего места, сосредоточенно смотрел на колеса, пробовал рукою радиатор и, обойдя несколько раз вокруг автомобиля, пускал самые заковыристые ругательства по адресу калмыцких дорог.

Наругавшись вволю, Кулик усаживался на свое место и давал машине ход. Автомобиль дрожал, точно готовый взорваться от страшного напряжения и, шурша по песку колесами, медленно двигался с места. Кулик, свесив на бок голову, смотрел на едва двигавшиеся колеса и сокрушенно вздыхал.

Наконец, пески кончились. Ровная степь тянулась перед нами. Теперь наш дряненький «Форд» несся, как птица. Лицо Кулика просветлело. Он торжествующе огля-

¹⁾ «Тепленькой» калмыки называют хмельной напиток, выделяемый из молока. Местный самогон.

нулся на нас и усилил скорость. Плоская, как стол, равнина раздвигалась, убегая назад со своей чахлой травой и пыльной пылью. Чуть заметно обозначились на горизонте зубья курганов.

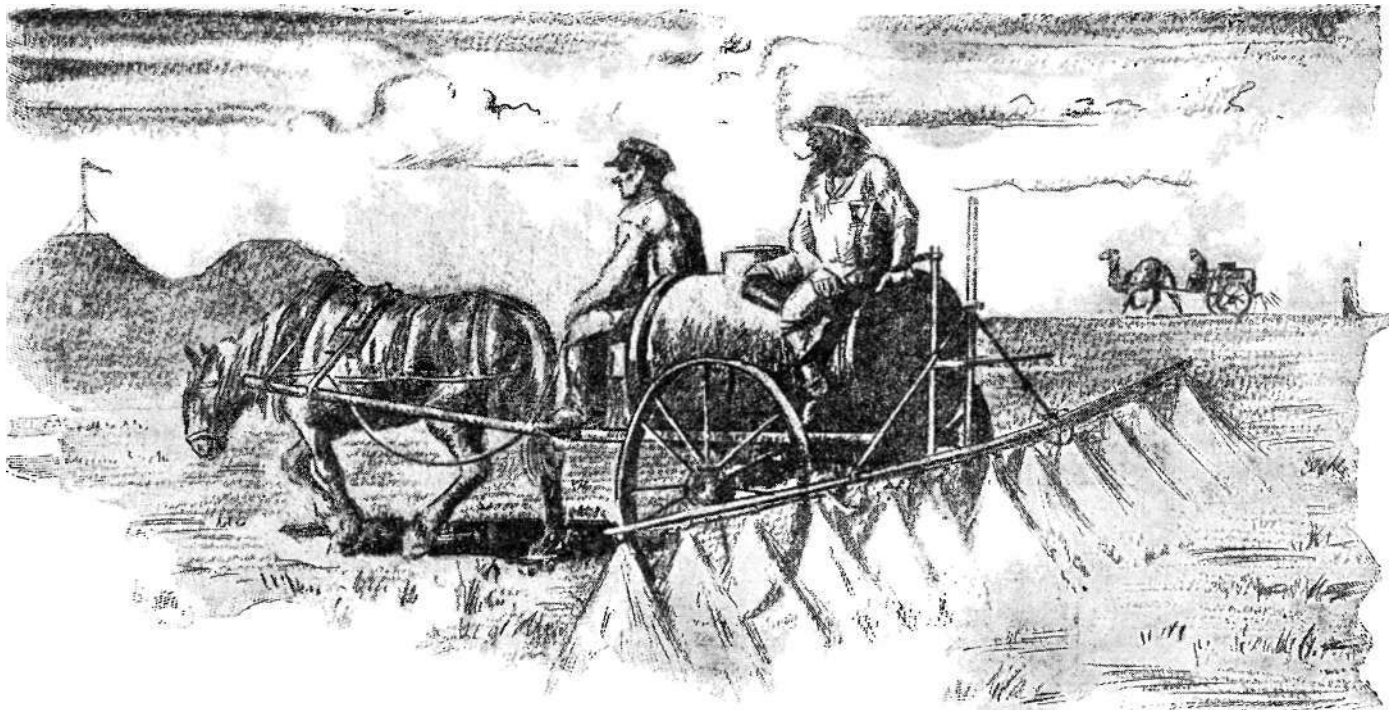
— Два брата! — ткнул пальцем вперед Кулик.

Два кургана справа, с плоскими, точно срезанными, верхушками, голубовато маячили вдаль. Это и были «Два брата», — цель нашей поездки. «Форд» глотал километры. «Два брата» выросли у нас на глазах. Оба кургана, по своим размерам и очертаниям, были копией один другого, четко врезались в пыльно-серое небо высокая мачта, с каким-то обрывком вместо флага на верхушке. Одна круглая палатка и две кибитки у подножия кургана напоминали грибы.

Все население «противосаранчового» стана высыло навстречу. Впрочем, население это было невелико. Два десятка рабочих, подводчиков и инструктор станции защиты растений, Холмский.

Инструктор вышел из палатки, не прикрыв даже, по обыкновению, тюбетейкой свою лысину, сделавшуюся здесь в степи предметом его гордости и уважения со стороны степняков.

— Лысый человек — мудрый человек! — такова нехитрая логика «сынов степей».



Холмский приложил обе руки к сердцу и сделал ответственный жест.

— Да будет благословен ваш приезд! Завтра я получаю пять конных аппаратов и начинаю работать. Вы приехали во-время, да поможет вам аллах.

Холмский любил торжественные жесты и витиеватую речь, заимствованную из Шехерезады. Здесь, в степи, она, по его мнению, придавала обстановке особый «восточный» колорит.

Мы вошли в палатку. Сложенные из ящиков две кровати, покрытые бурками, и такой же ящик посередине, составляли всю мебелировку жилища. Полевой бинокль и двустольное ружье довершали ее убранство.

Закусив зайцем, зажаренным на вертеле и поэтому страшно отдававшим дымом, мы отправились осматривать отродившиеся кулиги саранчи.

Саранча занимала местность метрах в ста от стана.

Отрождение началось дней пять назад, и уже все пространство от курганов до Маньча кишело насекомыми. Саранча оголила порядочное пространство, уничтожив всю зеленую растительность, какая только здесь нашлась, и двигалась на запад, имея, повидимому, намерение перейти через высохший Маньч на противоположную территорию.

На протяжении нескольких верст земля была покрыта слоем маленьких черных насекомых. Их так же легко можно было черпать пригоршнями, как воду из ручья.

— Саранча заняла здесь тысячи две десятин, — рассказывал Холмский, когда мы шли по степи. — Калмыки боятся остаться без сенокосов, туркмены на той стороне тоже побаиваются...

Он нагнулся и, зачерпнув целую пригоршню саранчуков, рассматривал их, медленно процеживая между пальцами.

— Первый и немного второго возраста! — объявил он.

Саранча имеет пять возрастов. Пять раз линяет. После каждой линьки тело саранчука принимает все более яркую окраску. В последнем все еще «пешем» возрасте тело насекомого окрашивается в огненный цвет, иногда, впрочем, с желтоватым отливом.

Саранча растет чрезвычайно быстро и через 35 — 40 дней по выходе из яйца превращается в солидное крылатое насекомое, сантиметров семи длиной. Тучи крылатой саранчи поднимаются над землей и, гонимые ветром, начинают свои далекие странствования. Тогда меркнет солнце, и зловещая тень движется по земле. Где-нибудь за сотни верст от места своего отрождения над тучными полями разражается туча живым прожорливым дождем. Через несколько часов снова дымным смерчем взметнется саранча над почерневшими, словно выжженными, полями и полетит далее, отмечая свой путь новыми опустошениями.

В начале осени саранча начинает «закручиваться». Самка высверливает в земле цилиндрическое углубление и, вымазав стенки его особой замазкой, выделяемой ее телом,

откладывает яички, стопкой одно к одному. Яйца по своему виду напоминают ржаные зерна. Сотня яиц отложена. Отверстие цилиндра заделывается той же быстро застывающей «замазкой».

Кубышка готова и остается зимовать до весны. Совершив свой жизненный цикл, самки погибают естественной смертью или же становятся добычей птиц и разного хищного зверья.

В мае месяце, когда солнце нагреет землю до нужной температуры, начинается отрождение саранчи. Миллиарды молодых саранчуков выходят на поверхность земли и жадно набрасываются на окружающую растительность.

Мы до самой ночи бродили по степи, обсуждая стратегический план наступления на врага

САРАНЧА НАСТУПАЕТ.

Представьте себе большую медную бочку на двух высоких чугунных колесах, с железной четырехметровой штангой позади, и вы будете иметь представление, хотя и грубое, о внешнем виде конного аппарата завода «Верморель» или «Плату», употребляемого для борьбы с саранчой. Остальное все — детали, понятные только для посвященного.

Скрытые внутри медного резервуара или расположенные сбоку насосы гонят ядовитую жидкость по резиновым распределительным шлангам. Четырнадцать медных распылителей выбрасывают ее водяным туманом. Ядовитой росой покрывается растительность. Пара лошадей

или верблюд тянут аппарат. Рабочий шагает позади машины, наблюдая за исправным действием распылителей.

Саранча погибает через несколько часов, иногда через день или два после того, как попробует отравленного корма. Мышьяковисто-кислый натр, раствором которого наполняют аппараты, действует верно.

Для приготовления раствора необходима вода. Колоссальное количество воды. Вода в калмыцких и туркменских степях — большая редкость. Воду можно добыть только в редких «копанях». Чтобы добраться до воды, нужно рыть очень глубоко. Трижды начинали мы рыть копани и трижды бросали. Мокрый песок, — это было все, что удалось найти на глубине восьми метров.

Наконец, вода была обнаружена в двух метрах от поверхности земли. Копань пришлось рыть в высохшем русле Маныча. Вода была горько-соленая, совершенно негодная для питья. Даже невзыскательные верблюды пили ее, повидимому, с отвращением. Но и эта находка нас страшно обрадовала. Через два дня три копани были готовы.

Саранча переходила во второй возраст. Надо было торопиться уничтожить врага.

Утром, едва только южным пурпуром окрасился восток, пять конных аппаратов, выстроившись за курганом,

Отдых. Под натянутым на колья брезентом использован каждый вершок тени. Кому не хватило места под брезентом, расположился между колесами машин, завесившись рогожами.

Полуденный сон не освежает. Люди просыпаются, когда солнце начинает быстро катиться к западу. Первым просыпается Стецько. Он долго чешет всей пятерней взлохмаченную голову и вытирает рукавом обильный пот. Потом идет к боченку с водой, зачерпывает полную кружку теплой солоноватой воды и пьет, не отрываясь. Кружка громадная, предназначена для отмеривания мышьяка и извести.

Стецько выпивает всю кружку, сплевывает в сторону и сворачивает «козью ножку».

Один за другим выползают рабочие из-под брезента и идут к боченку. Едкий запах махорки виснет в неподвижном воздухе. Лениво налаживают машины.

Черная кора, покрывающая землю, делается тоньше по мере того, как солнце все ниже и ниже клонится к западу. Саранчуки цепочкой ползут на верхушки растений. Черные грозди виснут на полныи.

Наступает время вечерней «кормежки» саранчи. Слышится легкий треск. Это «работают» прожорливые челюсти насекомых.



Противосаранчовый стай.

готовы были приступить к работе. На правом фланге верблюд «Галсуп» пережевывал что-то своими отвислыми губами. На левом фланге расположился, со своей парой вороных, вихрастый Стецько из Рагулей.

— Двигай! — скомандовал Холмский.

Машины двинулись, слегка дребезжа металлическими частями. Водяной туман легким облаком поплыл над землей.

Саранча, облепившая ковыль и кусты полыни, вспугнутая ногами верблюдов и лошадей, дождем посыпалась на землю. Машины проходили далее, и насекомые снова облепляли растительность. Вся степь, насколько только мог охватить глаз, представлялась совершенно черной.

Когда пригрело солнце, степь снова приняла свой обычный вид. Саранчуки спустились вниз и живой корой покрыли землю. Кора двигалась, то обнажая серый песок, то покрывая его черным слоем.

Часам к двенадцати невыносимым становится степной зной. Огнем дышит раскаленная земля. Песок обжигает босые ноги. Люди обливаются потом. Животные понуро тянут тяжелые машины.

Черная кора на земле утолщается, стягивается в редкую тень серебристых кустов полыни. Огненные лучи заставляют даже саранчу искать тени.

Лошадей и верблюдов выпрагают. Один из возчиков наблюдает, чтобы животные «случайно» не схватили отравленной травы.

— Кушай! Кушай! — злорадствует Стецько, когда его «Плату» № 5 проезжает через затравленный участок. — Кушай! Кушай, чтоб ты сдохла!

Солнце быстро клонится к черной черте горизонта. Потянуло прохладой. Люди и животные приободрились. Работа пошла успешнее.

СТЕЦЬКО ИЗ РАГУЛЕЙ.

Стецько из Рагулей с нетерпением ожидал гибели саранчи. Хитрый хохол хотя и соглашался по долгу службы, что «сарана обязательно подохнет», но в глубине своего сердца, как и его односельчане в Рагулях, сомневался в «ириспалках». Он хотя и не совсем верил в возможность «стребить тварюку», но тем не менее, был в числе первых, подписавших в сельсовете «кондракт» работать на «саране».

Стецько быстро изучил назначение разных «крантов» и отлично управлял аппаратом. Но у парня были и свои слабости. Стецько не любил двигаться, и в этом отношении проявлял жесточайшую экономию. Он совершенно игнорировал инструкцию предписывавшую пульверизаторщику шагать позади своего аппарата, а предпочитал передвигаться, прицепившись как-нибудь к машине. После нескольких замечаний, Холмский махнул на него рукой. С тех пор Стецько, никем не тревожимый, гордо восседал на медном резервуаре позади возчика, своим видом сильно напоминая большую лохматую птицу.

Через день, вместе со Стецьком, я осматривал затравленные участки. Мертвая саранча слоем устилала землю и забила трупам все трещины и неровности почвы. Стецько более не мог сдерживать своего восторга.

Он пустился отплясывать какой-то невероятный танец. — Звиняйте мене, це я з радости, у мене дві десятины пшеницы у Рагулях! — сказал он.

ПОБЕДА.

Мы работали двадцать дней. Уже работа подходила к концу, когда волны саранчи потоком хлынули из высоких Камышевых зарослей Маньча. О присутствии в этих безлюдных местах саранчовых кубышек никто не знал.

Саранча спокойно сидела в камышах, успев облить три раза. Когда, наконец, камыши были съедены, густые колонны насекомых широким десятиверстным фронтом двинулись в степь.

Широколищье, закопченные пастухи привезли нам это известие. Немногочисленные степные колодцы, которые встретились на пути этой грандиозной саранчовой армии, были буквально до самого верха забиты трупами насекомых.

Саранча в колодцах разлагалась, делая воду непригодной даже для неприхотливого степного скота.

Поток насекомых мощной волной разливался по степи, уничтожая всякую растительность, какая только встречалась ему на пути. Позади оставалось пространство, черное, точно после пожара, да толстый слой саранчового помета, напоминавшего ржаные зерна.

Все силы были брошены на новый саранчовый фронт. Через 7-8 дней саранча начнет окрыляться, и тогда бесполезно будет вся наша химия. Тучи крылатых насекомых ринутся за Маньч, где желтеют тучные посевы Ставрополя.

Из Рагулей привезли двадцать подвод отрубей.

Ночью готовили «приманки». В широкие деревянные корыта насыпали отруби, смачивали их ядовитым раствором мышьяка и вымешивали, как вымешивает крестьянин «мешку» для скота. На рассвете высевали приманку густыми

длинными лентами. Когда поднималась солнце, саранча жадно набрасывалась на отравленный корм. Следующую порцию приманки высевали вечером, когда обыкновенно саранча опять останавливается для кормежки.

Дни наступили знойные. Жгучий восточный ветер нес целые тучи песку. Песчинки больно кололи лицо, засыпали глаза. Люди ходили с потрескавшимися, сочащимися кровью губами и красными, воспаленными глазами.

Работать аппаратами стало невозможно. Ветер относил ядовитую водяную пыль в сторону, отдавая ею людей, работавших при машинах. Раствор насквозь промачивал одежду и обжигал вспотевшее тело. Работали только приманками.

Никто не жаловался на трудности работы.

Кулиги саранчи быстро редели. На десяток верст кругом устлалась степь толстым слоем мертвых насекомых. К вечеру, когда утихал ветер, густой запах гнили наполнял воздух.

— Смердит як мертвяк! — крутил носом Стецько.

У нас появились союзники. Это были розовые скворцы. Они налетели тучей.

Дождем разражалась эта туча над саранчовыми стаями. Птицы усаживались на землю и принимались добросовестно долбить саранчу.

Симпатичные птички с удивительным проворством уничтожали саранчуков, отрывая им головы и выклеывая из насекомых лакомые кусочки жира.

Скворцы «работали» по несколько часов в день. Обычно они прилетали перед вечером и улетали роем, точно по команде.

Химия и скворцы победили. Через несколько дней разведчик Тундук сообщил, что саранчи в степи нет.

КАК СНИМАЮТ КИНО-ХРОНИКУ В АМЕРИКЕ.

Кинематография получила наибольшее свое развитие в С. А. С. Ш., как по своему распространению, так и по достижениям своей техники. Как же снимают там хронику и как достигается та удивительная быстрота, с которой происшедшее в одном месте событие, становится видимым, а иногда и слышимым в другом.

В Америке теперь регулярно выпускается шесть кинохроник в неделю разными кинематографическими компаниями, при чем большинство из них выпускает свои хроники дважды в неделю, т.-е. 104 номера в год. Отсюда вопрос о скорости доставки материала к месту монтировки, т.-е. о сборке хроники, так как в Америке конкуренция очень обострена и каждый спешит обогнать другого, чтобы первым показать интересные события на экране. А насколько обширна организация по съемке хроники, видно хотя бы из того, что одна лишь компания Пате располагает 1500 кино-корреспондентами по всему свету.

Насколько точна работа по выпуску этой кинохроники, видно из того, что выпущенная в час дня в Нью-Йорке, она поступает в Чикаго (около 1500 килом. расстояния) через 10 часов и в Сан-Франциско, на другом конце С. А. С. Ш., через 36 часов.

Характерным примером организации съемок кинохроники является фиксирование полета Линдберга, первого из авиаторов, перелетевшего на аэроплане из Америки в Европу. Еще до исторического полета он был заснят в Америке на аэродроме, когда же стало известно о его полете через океан, немедленно были приняты меры для производства съемок в Европе. На аэродром были отправлены кино-операторы, но так как прилет Линдберга ожидался ночью и освещения на аэродроме недостаточно, уполномоченный американского треста Парамонт срочно доставил на аэродром в Ля-Бурже, вблизи Парижа, три огромных прожектора из парижских кино-ателье и к моменту прилета «поймал» Линдберга в лучах своих осветительных приборов.

Позже Линдберг рассказывал, что эти прожектора ему во многом помогли при посадке на аэродроме во Франции. С момента появления Линдберга в Европе кино-операторы его уже больше не покидали: грандиозные овалы в Париже были засняты целым рядом операторов, а при его полете в столицу Бельгии Брюссель, его на аэроплане сопровождали кино-операторы, так же и при полете Линдберга в Англию, операторы все время летели рядом с ним, снимая самый полет и невиданные овалы, которыми его встречали.

В это время в Америке выяснилось, что Линдберг будет доставлен из Европы обратно в Америку на крейсере «Мемфис». Тогда трест Парамонт немедленно начал хлопотать, чтобы его оператору было разрешено пребывание на борту этого судна для кино-съемки Линдберга. Разрешение было получено. Уполномоченный треста в Европе Социо был об этом поставлен в известность по телеграфу, он находился в это время в Лондоне, ему нужно было снестись с морским аташе при американском посольстве в Париже. Времени было недостаточно, крейсер должен был отплыть в Америку из Шербурга. Социо не удалось достать в Лондоне аэроплана, чтобы прилететь туда; тогда Социо по телеграфу потребовал отправки своей съемочной камеры прямо в Шербург, а сам на пароходе перебрался из Англии на континент. Но поездом никак нельзя было успеть к отплытию «Мемфиса». Социо нанял сильную машину, и на автомобиле помчался в Шербург. Предварительно он послал телеграмму командиру крейсера с просьбой задержать отплытие «Мемфиса» до его прибытия на борт судна. Бешеная гонка на автомобиле почти все время в ночной темноте увенчалась успехом и Социо во время прибыл в Шербург. Когда оператор представился капитану крейсера, тот ему с улыбкой сказал: «Значит это вы тот человек, который отменяет приказ об отплытии крейсера, данный морским министром». Впрочем в дальнейшем все шло хорошо и Социо на борту судна сделал ряд снимков Линдберга, который это охотно допускал. Оставалось несколько сот миль от Америки, когда в море к «Мемфису» подошел миноносец, высланный вперед за получением снятых фильм. Негативы были переданы ему и быстроходное судно понеслось вперед, обгоняя «Мемфис».

Прибытие Линдберга в Вашингтоне, где ему была устроена грандиозная встреча, была заснята рекордным количеством кино-операторов, — его снимали одновременно около 150 аппаратов для разных кинематографических фирм.

Целая борьба возгорелась между конкурирующими кино-фирмами, чтобы как можно скорей, доставить парижские снимки в Америку. Большинство негативов было отправлено из Европы в Америку через Шербург на океанском гиганте-пароходе, «Мажестик», и фильмы уже на восьмой день после окончания перелета были показаны в Нью-Йорке и в тот же день доставлены в Чикаго на аэропланах.

Таковы некоторые факты иллюстрирующие невероятно быстрый темп работы американской кино-индустрии в области производства хроники.



Фантастический рассказ В. ПОЗДНЯКОВА

Рисунки Н. ДОРМИДОНТОВА

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ.

Дни и ночи проводит проф. Шольп в своей мастерской или в своем кабинете, весь поглощенный постройкой какого-то удивительного самолета. Около него вьются разные подозрительные личности, чтобы узнать секрет изобретения и продать его какому-нибудь военному министерству. Неожиданно проф. Шольп скрывается, улетев куда-то на построенном им самолете.

Глава 2-ая.

Мосье Жорж Делобэль, коммивояжер из Парижа, молодой человек, с бесподобно закрученными черными усами, делал вид, что внимательно рассматривает картину Мантеньи «Триумфальное шествие Цезаря».

Целый час слонялся он по залам Кенсингтонского музея и невыразимо скучал. Было жаль шиллинга, шикарно протянутого сторожу у вешалок за трость и канотье, — и хотелось есть.

Он осмотрелся и увидел рядом с собою изящно одетую девушку, безучастно, как ему казалось, рассматривавшую ту же картину.

Инстинкт настоящего француза подсказал ему возможность приятного, заманчивого приключения.

— Попробуем... — решил Жорж Делобэль.

— Какой очаровательный ангелочек! — с хорошо разблуженным восхищением, полуоборотясь к девушке, заметил он.

Та взглянула на него и, видимо, оценив по достоинству его внешность, подняла брошенную перчатку.

— Какой ангелочек? — спросила она, смотря на него своими голубыми, опущенными длинными ресницами, глазами.

— Вот там, справа, у колесницы!

И, скользая, как корова на льду, пустился в экскурсию в область искусства.

— Эта лошадка, — заметил он, указывая мизинцем, — конечно, условна. Такой шеи у лошадей не бывает, но...

...И вдруг черная, непроглядная тьма с быстротой молнии обрушилась на него. И сразу стало тихо, как в склепе. Напряженная, нарушаемая только шумом бешено запульсировавшей крови в ушах, тишина. И тьма...

Девушка схватила Делобэля за руку, — испуганным, быстрым движением. И из разных концов залы, как после долгого, тяжелого сна, послышались робкие и неуверенные, полные невыразимого ужаса, восклицания... А затем, топоча ногами, плача, истерически взвизгивая, со все увеличивающимся шумом, как поток лавины с гор, все это стало метаться во тьме. Бились о стены люди, не находя выхода, сталкивались друг с другом, падали на пол, вставали, ударяемые сотнями

ног, снова падали, избитые, обессиленные, обезумевшие...

Делобэль с силой стал отрывать вцепившуюся в него девушку и несколько секунд боролся с ней. Потом, внезапно озлобясь, резким бешеным движением бросил ее на пол. Натыкаясь на метущихся людей, работая кулаками направо и налево, ударяя в лица, груди, затылки и просто в черную, зияющую тьму, он кинулся вперед, наталкиваясь на стены, меняя направления, — и, когда, наконец, нога его, занесенная в воздухе, упала куда-то, не встретив опоры, он, оступившись, покотился вниз по лестнице. Ослепительный свет ударил ему в лицо.

Он беспомощно оглянулся кругом. Сверху, перепрыгивая через несколько ступеней, как вытряхнутые из гигантского мешка, стремились люди. И человеческий поток вынес его на улицу... На ней царил хаос. Опрокинутый омнибус, окутанный едким облаком бензинового дыма, разбросал по мостовой пассажиров; одни из них стонали и бились, стараясь приподняться, другие в странно-спокойной позе, казалось, спали на земле. И Делобэль вспомнил, как, будучи ребенком, в Кретеиле, за день до знаменитой битвы на Марне, он видел такую же картину, когда шестидюймовый немецкий снаряд, шипя в воздухе, как масло на сковороде, обрушился на соседний дом, — так же бились одни, так же спокойно уснули другие.

...Вздрыбленные у стен домов, столбов, фонарей и киосков, перевернутые вверх колесами, брошенные набок автомобили, автомобили без конца. Разбросанные тюки и ящики грузовиков, и люди — метущиеся, бьющиеся и мертвые люди.

Делобэль сделал несколько шагов дрожащими, мягкими, как резина, ногами и вдруг, в непосредственной близости от себя, увидел странное, нелепое существо. С лицом в крови, с закрытым громадной опухолью глазом, бледное, в разорванной одежде, — оно шло на него. И тут Делобэль понял, что это — он сам, отраженный в зеркале магазина, почувствовал глухую, ноющую боль во всем теле, солоноватый вкус во рту. Выплюнул — кровь... И, поднеся к губам руку, убедился, что половины его ровных и белых, как протез дантиста, зубов — уже нет.

— *Слушайте! Слушайте! Слушайте!* — кричали в сгрудившуюся на углах улиц и площадей толпу черные пасти громкоговорителей. — *Слушайте, граждане Лондона! Сегодня, в пять часов дня, над городом разразилось несчастье!.. Внезапно померкло солнце, и наступила тьма в самый разгар уличного движения... Много человеческих жертв! Точное число их еще неизвестно... Каждую секунду к нам приходят со всех концов Лондона ужасные, потрясающие известия... Масса жертв на улицах, задавленных, выброшенных из*

авто, омнибусов людей! Паника в присутственных местах, вокзалах, музеях. Граждане! Соблюдайте спокойствие! В случае повторения тьмы, сразу останавливайтесь, где бы вы ни были, тормозите ваши авто, экипажи, велосипеды и ждите... видимо, тьма кратковременная.

— Граждане Лондона, слушайте! Много произведений искусства повреждено в темноте обезумевшей толпой, в том числе «Чудесное явление» Ра-



Увидел странное, нелепое существо.

фаэля—в Кенсингтонском музее, «Мадонна со св. Анной» Леонардо да Винчи — в Академии... Масса случаев грабежей и убийств! На Черинг-Кросском вокзале убит почтенный мистер Бьют, председатель Карльтон-клуба... Горе несчастной семьи не поддается описанию... Около Манишон-Гауза ограблен мистер Доббин, артельщик Национального Банка! Похищено 10.000 фунтов... В Камберуэлле разграблен опрокинувшийся грузовик с табаком, в Вульвиче — с мануфактурой...

— Граждане Лондона! Слушайте! Слушайте! Постепенно выясняется природа загадочного явления! Население Ватфорда, Виндзора, Кингстона и других окрестностей видело, как около пяти часов дня на Лондон встал огромный, около двух миль в высоту, около мили в основании, черный конус! Он вершиной упирался в облака, а основание его скользило по городу, с юга на север! Он двигался со скоростью, примерно, трех миль в час, при чем основание его опережало вершину, и он стал наклоняться... Потом так же внезапно исчез...

— Граждане Лондона! Слушайте! Сейчас нагл сообщили удивительную вещь. За две минуты до появления Черного Конуса в Хамертоне начался пожар. Горел деревянный дом. Когда наступила тьма, огонь внезапно погас! Но, граждане Лондона, слушайте, слу-

шайте, слушайте!! Огня не было видно, хотя он продолжал гореть. Был слышен треск горевшего дерева, к дому нельзя было подойти из-за ужасной жары. Под бранспойтами, которых герои-пожарные не выпускали из рук, шипело и ревели пламя. Но, граждане Лондона, огня не было видно, кругом была непроглядная тьма..

Как зачарованные, толпились жители Лондона около громкоговорителей. Не отделось в домах, — все время из металлических горл неслись потрясающие, сверхъестественные вести.

— За все существование Лондона жители его не были взволнованы так, как сейчас. Были войны, пожары, чума и восстания, опустошавшие его около двадцати раз, были величайшие потрясения—но никогда не висело над ним такой фантастической, сверхъестественной тайны, как в этот чудный июльский вечер.

— Слушайте! Слушайте! Слушайте! Черный Конус несет сейчас над Францией! Он погрузил во тьму Калэ, Амьен, Аржантейль, пронесся над Парижем и мчится к югу. В Дижоне потухло уличное и домовое освещение, у Безансона, из-за неперевода стрелки, курьерский поезд Париж — Женева налетел в темноте на тупик — сотни убитых и раненых!

А в десять часов батарея металлических горл проревела:

— Слушайте! Слушайте! Слушайте!

— *Правительства его величества короля Великобритании, Франции, Италии и Германии организовали Совет Обороны. Заседание Совета состоится завтра в 8 ч. 30 м. утра, в Вестминстерском дворце, комната сто тридцать восемь, телефон три, два нуля, шестнадцать. Всем, кто может сообщить что-нибудь, хотя бы в малейшей степени разясняющее тайну Черного Конуса, надлежит явиться немедленно туда... Несообщение будет караться со всей строгостью законов военного времени! Вестминстерский дворец, комната сто тридцать восемь, телефон три, два нуля, шестнадцать. Вестминстерский дворец, комната сто тридцать восемь, телефон три, два нуля, шестнадцать...*

Совет Обороны составляли: лорд-мэр города Лондона, сер Ричард Финиган, старик чопорный, дородный и важный, — как и подобает быть человеку, имеющему право воспретить въезд в Лондон даже самому королю¹⁾; представитель военного и морского министерств, генерал лорд Сесиль Пэджет, потомок Ватерлооского героя, лишившегося в этой битве ноги, и сам потерявший в шестнадцатом году у Арраса левую ногу и правый глаз, — красный, весь налитый кровью, брызжащий здоровьем толстяк, и профессор физики политехнического института, унылый, высокий и черный, как галка, доктор Джон Гуденуф, враг теории относительности и ненавистник Эйнштейна, прогремевший своим сочинением — «Мировой эфир, как абсолют».

В последнюю минуту архиепископ кентерберийский потребовал участия в Совете представителя церкви, ибо, по его мнению, в явлении Черного Конуса не исключена возможность божественного начала, а из Франции прилетел представитель военного ведомства, майор Рауль Малуро.

— Джентльмены — начал сэр Финиган, положив руку на колокольчик и торжественным взором обводя присутствующих. — Начнем, джентльмены. Над Европой пронеслось замечательное явление, которое уже приобрело себе имя — Черный Конус, гигантский Черный Конус тьмы! Какие последствия он вызвал, какие бедствия постигли ряд городов — в общем, известно всем. Подробности несущественны. Нам надлежит наметить линию борьбы с загадочным, разрушительным явлением. Слово принадлежит нашему гостю, представителю Франции, майору Малуро.

— Разрешите потом, — сказал майор, щелкнув шпорами.

Сэр Финиган незаметно пожал плечами.

— В таком случае, прошу высказаться представителя церкви, достопочтенного д-ра Патиссона.

Д-р богословия, Вильям Патиссон, ласковый, робкий старичок, откашлялся, из уважения к высокому собранию прикрыв рот рукой, и немного шепелявившим, тихим тенорком начал:

— Когда Иисус Навин остановил солнце, толпы народа взирали на это с величайшим изумлением... Так и сегодня толпы народа взирали на этот Черный Конус.

Генерал Пэджет наклонился к доктору Гуденуфу и сказал шопотом:

— Чорта с два тут повзираешь в такой тьме крошечной! У меня до сих пор затылок болит: какой-то бродяга сшиб меня, когда я переходил Патерностер.

¹⁾ Право лорд-мэра, имеющее, правда, формальное значение.

— Ваши соображения? — спросил сэр Финиган, обращаясь к д-ру Патиссону и бросая строгий взгляд на генерала.

Д-р Патиссон беспомощно оглянулся кругом, как бы ища поддержки. Генерал неистово потирал затылок, майор Малуро сидел вытянувшись, как на смотру, д-р Гуденуф склонил голову набок и ехидно, как показалось Патиссону, смотрел на него.

— Не будем соблазнять господ бога, раскрывая небесные тайны его! — робко заметил он.

— Сэр Пэджет, слово принадлежит вам! — сказал Финиган.

— Чертовская штука! — оживился генерал. — Замечательная вещь! Если бы армия его величества обладала этой чертовщиной, она бы в два счета расправилась со своими соседями!

Майор Малуро многозначительно крикнул. Генерал смутился и полез в карман за платком.

— М-р Гуденуф? — с полувопросом обратился к ученому сэр Ричард. Д-р Гуденуф еще больше склонил голову набок и, смотря сквозь черепаховые очки, напомнил собою какую-то важную, круглоглазую птицу.

«Сейчас клонет»... — подумал генерал.

— Эфирная теория света Гюйгенса... — начал было д-р Гуденуф, как вдруг дверь кабинета открылась, и, балансируя в воздухе руками, на цыпочках к сэру Финигану подошел курьер.

— Двое джентльменов желают дать показания по делу Черного Конуса! — почтительно наклонясь к уху лорд-мэра, заявил он.

Сэр Финиган на минуту потерял свою невозмутимость и с нетерпением посмотрел на дверь.

В комнату вошел, размеренно шагая, инженер Мюлов, а за ним, видимо, подавленный торжественностью обстановки, ныряющим шагом — Бакич.

— С кем имею честь? — спросил сэр Финиган.

— Инженер Мюлов, ближайший сотрудник профессора Шольпа.

— Который сошел с ума! — подал реплику Бакич.

— Кто же, собственно сошел с ума: инженер Мюлов или профессор Шольп? — строго смотря на Бакича, недовольно спросил сэр Ричард.

— Профессор Шольп сошел с ума! — выдвинулся вперед Бакич. — Я — Бакич, его секретарь! Вчера профессор Шольп сошел с ума, выгнал меня и мистера Мюлова из своей лаборатории. Об этом даже в газете было напечатано.

— Я не понимаю, какое отношение имеет сумасшествие профессора Шольпа к Черному Конусу? — сказал сэр Финиган.

— Профессор физики Шольп, — начал Мюлов, — в последнее время работал над аппаратом, назначение которого, как можно предполагать, было — парализовать, уничтожить все световые явления в районе его действия. Этот аппарат должен был создавать колебания, исключаяющие возможность движения электронов, обуславливающего явление света.

И в кратких словах рассказал о лихорадочной в последние дни деятельности мастерских, а также и о приобретении аэроплана — «для целей, недостаточно известных», — как заключил он..

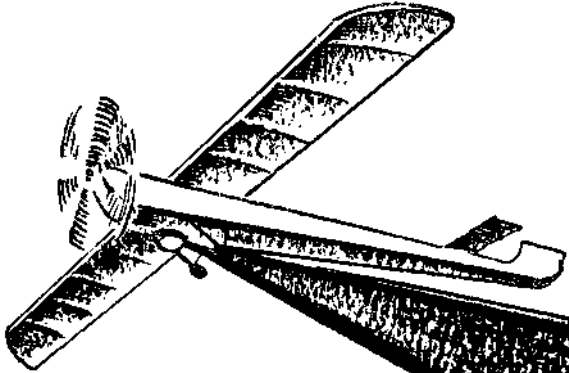
Д-р Гуденуф весь вытянулся вперед.

— Как же так могло случиться, — ехидно заметил он, — что вас, ближайшего своего сотрудника и помощника, профессор Шольп ознакомил так поверхностно со своим изобретением?

— Видимо, у него были свои соображения! — мрачно ответил Мюлов.

Д-р Гуденуф возмущенно пожал плечами.

— Скажите, мосье Мюлов, за что вас и мосье Бакича выгнал профессор Шольп? — спросил до сих пор внимательно слушающий майор Малуро.



Мюлов покраснел. Бакич опять выдвинулся вперед.

— Мистер Мюлов — германский подданный! Он предложил, я слышал сам, ибо был недалеко, — профессору Шольпу два миллиона марок за его изобретение, в случае, конечно, если оно оправдает возлагаемые на него надежды.

— Хороши небесные тайны! — вздохнул генерал Пэджет, укоризненно глядя на д-ра Патиссона.

— Понимаю! — удовлетворенно заметил майор Малуро. — А вас, мосье Бакич, почему выгнал мосье Шольп? — повторил он свой вопрос.

— Герр Бакич, — резко заметил Мюлов, — обладая очень любознательным характером, не рассчитал силы сопротивления незапертой на замок двери и влетел в комнату во время нашего разговора.

Члены Совета переглянулись, Генерал Пэджет хлопнул рукою по столу.

— Дело совершенно ясно! — воскликнул он, вращая единственным глазом. — Сумасшедший профессор Шольп на аэроплане со своим дьявольским аппаратом носится по всей Европе, оставляя за собою смерть и разрушение. Нужно немедленно ловить его, нужно мобилизовать все воздушные силы Европы, нужно положить этому конец.

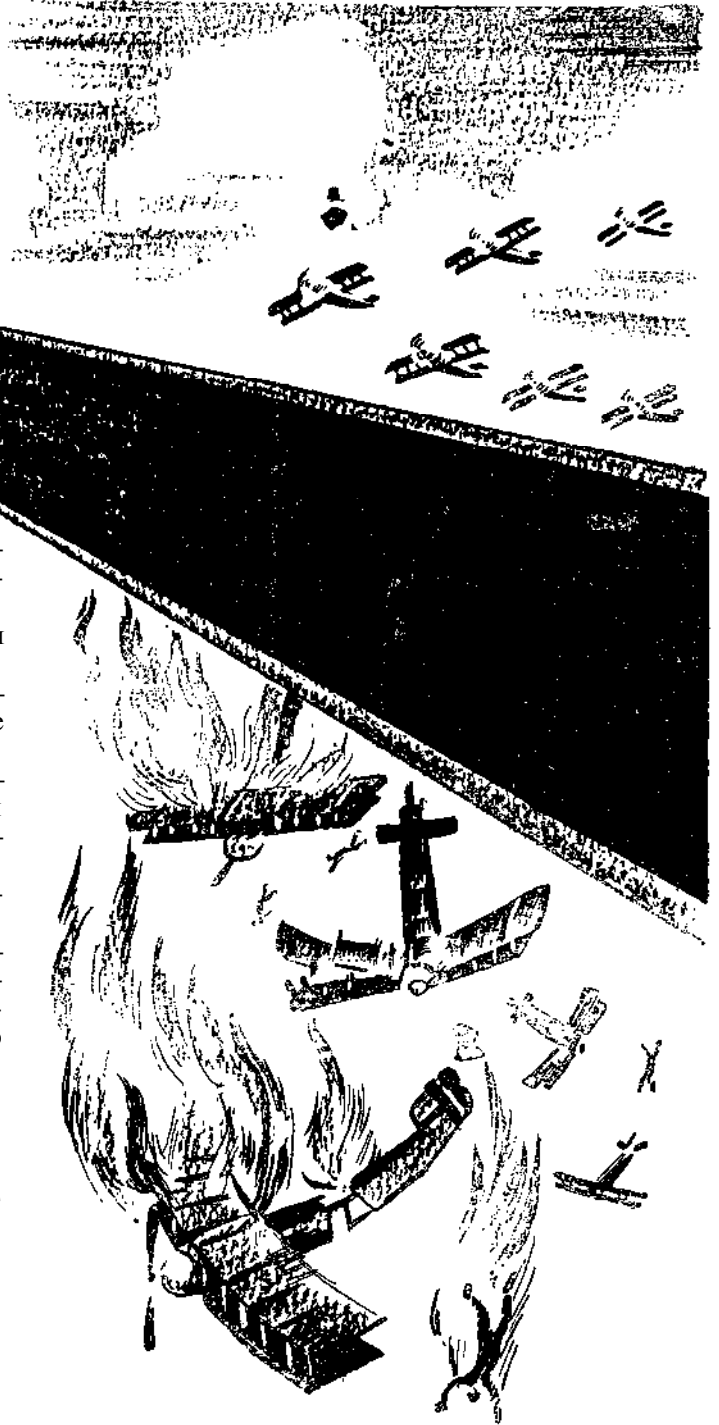
Все новые и новые сведения поступали в Совет Обороны, и он, в свою очередь, оповестил весь мир о том, что знал. Тысячи аэропланов ждали сигнала, чтоб взлететь на небо, военные суда были приведены в боевую готовность, подняли свои хоботы воздушные батареи.

И, исчезнув на два дня, Черный Конус появился над Римом. Жители Остии, Тиволи, Альбано и других окружающих Рим городов и местечек, вооружившись биноклями, заметили на его вершине голубую, почти сливающуюся с небом, точку аэроплана.

Когда Черный Конус, сдвинувшись к северу, освободил Рим из цепких объятий тьмы, с Римского военного аэродрома снялась эскадрилья истребителей и погналась за несущимся черным смерчем, — но вдруг Конус взметнулся кверху, ось его легла почти горизонтально, — и эскадрилью окружила непроглядная тьма. Зажигание моторов перестало действовать. Это новое обстоятельство, как факт огромного значения, было сразу учтено всем военным и техническим миром и, безуспешно стараясь выравнять кренившиеся аппа-

раты, в абсолютной темноте и в ледяном, внезапно поднявшемся вихре, стали падать вниз, на невидимую землю, итальянские летчики один за другим.

А когда в Совет Обороны явился д-р Кроль и заявил, что своим именем крупного ученого он может поручиться за полную вменяемость профессора Шольпа,



Вдруг Конус взметнулся кверху.

что он беседовал с его сыном и многими знавшими профессора, вошел во все детали его поведения последних недель, а потому констатирует великолепную наследственность, отрицает возможность помешательства на почве переутомления и совершенно исключает предположение о наиболее вероятной по первому взгляду *mania transioza*¹⁾, — члены Совета растеря-

1) Форма скоропроходящего помешательства, когда, среди полного здоровья, вдруг развивается картина бурного неистовства с омрачением рассудка.



Последний подвиг Перка

Рассказ О. Джоунса.

Рисунки И. Королева.

Перкинс, или, как его называли рудокопы, Перк Туиллор, засучив рукава, стал на пороге заезжого двора и принялся вызывать на стальном треугольнике замысловатое музыкальное поурри.

Со дня женитьбы на содержательнице заезжого двора в глухом поселке Аляске это была его единственная и не очень утомительная житейская обязанность. Изголодавшиеся за день рудокопы гурьбой повалили в столовую, а Перк, все еще стоя на пороге, приветствовал их своей неизменной улыбкой.

За столом Перк, сидевший на председательском месте, обычно рассказывал одно за другим различные приключения из своего прошлого. По его словам, он изведал все ужасы полярной жизни, один на слан убил самого крупной о из всех коричневых медведей, намыл уйму золота и покрыл несчетное количество миль при самых затруднительных обстоятельствах. Но из всех опасностей он всегда выходил невредимым и с улыбкой на лице. Голод и цынга были ему ничем. А 'благодаря его грозной репутации, все так его боялись, что он взял в плен самого «сорви голову» Смита и разогнал его знаменитую шайку.

История, рассказанная им за ужином в этот январский день, превзошла все остальные. Заключалась она в следующем.

Прошлой зимой, когда он путешествовал в одиночку, на него капала стая лесных волков. Имевшимся у него десятью патронами он уложил десять животных, потом, прислонясь спиной к большой сосне, своим ножом расправился с пятью остальными.

Овертайм Бернс, решив, что рассказ окончен, усмехнулся и хотел-было сделать какое-то едкое замечание. Но Перкинс быстрым жестом остановил его и продолжал.

— Так вот, ребята! Покончив с последним волком, я вдруг замечаю, что моя жизнь в смертельной опасности...

— Вот как! — саркастически вставил один седой рудокоп. — Там нашлись еще другие волки?

— Нет! — серьезно ответил Перкинс, — но увидав, что смерть глядит мне прямо в глаза, я помчался со всех ног в чащу леса, развел там хороший костер и этим спас свою жизнь.

— Ну, в этом нет ничего удивительного, — сказал Овертайм Бернс, — ведь ты всюду и всегда ее спасал. Но, чорт возьми, какая же тебе еще угрожала опасность?

— Экий ты бестолковый парень! Все тебе надо разжевать! Неужели ты не понимаешь, что вспарывая ножом одно волчье брюхо за другим, я весь как губка пропитался волчьей кровью. А мороз был такой, что ртуть в термометре отказывалась подниматься, а моя карманная фляжка виски разлетелась вдребезги. Не разведи я костра, я бы замерз на-смерть под этой кровавой корой.

Мамаша Туиллер, испутив глубокий вздох ужаса и восхищения перед умопомрачительным походом своего супруга, стала убирать посуду.

Рудокопы вышли из-за стола и молча разбрелись по своим хижинам: чета Туиллеров, как всегда, полностью насытила их аппетит к еде и приключениям.

— Хотелось бы мне укоротить язык этого бездельника и засадить его за работу, — яростно заявил в тот же вечер Овертайм Бернс, набивая свою трубку около печурки хижины. — Это просто свинство! Болтается весь день без дела, врет и играет в поккер, в то время, как м-с Туиллер одна гнет спину. Легкое ли дело содержать в этой стране заезжий двор! Это тебе не вишни собирать! Бедная женщина с пяти часов утра на ногах и до поздней ночи перемыкает посуду. Отлично он мог бы носить дрова, топить печь, кипятить воду и взять на себя еще множество других забот. Вот уж целых шесть месяцев, как он женился на ней и только и делает, что пускает ей пыль в глаза своим враньем!

Добродушный толстяк приятель Овертайма шуточно подмигнул ему:

— Поди-ка, попробуй сказать м-с Туиллер, что все эти рассказы одни хвастливые выдумки. Посмотрим, как она тебе поверит!

— Сказать ей это я не могу, — возразил Овертайм, — но показать ей, что за храбрец ее лежебока, я уж постараюсь при первом же подходящем случае!

Двумя неделями позже Овертайм с полудюжиной других ребят, в послеобеденное время ворвался в заезжий двор.

Мамаша хлопотливо носилась по дому, а Перк, задрав ноги на стол и попыхивая трубкой, углубился в содержание какого-то старого ежемесечника.

— М-с Туиллер, — поспешно проговорил Овертайм. — Мы хотим одолжить у вас на полчаса вашего муженька, — конечно, если вы сможете обойтись без него.

— Как так? — спросил Перк, выглядывая из-за своего ежемесечника. — Что случилось?

— Отчаянное происшествие! Рэд Бэллард и Джим Гоф пристрелили Бена Харта! Правда, он еще не умер, но доктор Меллимс говорит, что вряд ли выживет. Как бы там ни было, сержант уехал и вернется не раньше завтрашнего дня. Нам придется загнать эту пару убийц под замок. Сейчас мы к ним направляемся. Вот мне и пришлось в голову зайти и прихватить тебя, ведь у тебя в таких делах больше опыта, чем у всех нас вместе взятых.

Физиономия Перка вытянулась. Он взглянул на мамашу: она пыливо смотрела на него. Он попытался принять мужественный вид.

— Мое ружье, мамаша, — выдал он.

— Оно наверху, — хладнокровно, ответила она.

Мамаша Туиллер провела на Аляске десять лет и ружейные паратипки были для нее делом обычным. Да к тому же она питала несокрушимую веру в доблесть своего супруга.

— Погоди-ка минутку, — жизнерадостно продолжала она, — я его сейчас принесу.

Узкая лестница укоризненно закричала, когда мамаша, несмотря на свои почти двести фунтов веса, легко взбегала по ней.

Но для Перкинса, который автоматически снимал с гвоздя свою шапку, не существовало в эту минуту ни скрипа лестницы, ни чего-нибудь другого на свете, кроме страха смерти. Ни один герой не пользовался таким уважением мамыши Туиллер, как он; однако, если он покажет трусость...

Перкинс задрожал, принимая из рук своей супруги ружье и пригоршню патронов, и, с трудом скрывая свое нежелание, позволил Овертайму увести себя из дому.

— Они на холме, в старой хижине Рэда, — объяснял Овертайм, пока отряд медленно двигался по берегу реки. — Полагаю, будет лучше всего, если ты поведешь нас. Это не детская задача. Рэд и Джим оба меткие стрелки — и нам нужен именно такой настоящий охотник на людей, как ты.

Перк был не в состоянии уловить ядовитую насмешку в голосе Овертайма. Его сердце, выстукивавшее повелительное приказание вернуться домой, казалось, соперничало с его зубами, выбивавшими громкую дробь. Он

нервно оглянулся через плечо и облегченно вздохнул, увидав, что мамаша не последовала за ними. Как во сне шел он впереди остальных вверх по узкой тропинке на вершину холма. Потом, как ведомая «а заклятие овца, весь взмокший от страха, свернул к хижине Рэда.

Два человека с ружьями, которые очевидно стояли на страже, молча присоединились к ним. Все словно согласилось считать Перка предводителем. Делать было нечего: ему приходилось вести их вперед. За сотню ярдов от хижины Рэда резкое шелканье ружья и остановило отряд, и пуля вонзилась в снежный сугроб у ног Перка.

Все тотчас же отскочили и укрылись за стеной близлежащей хижины. Все, кроме Перка. Он пытался последовать за остальными, но тяжелые как свинец ноги отказывались служить велению растерявшегося рассудка.

Из окошка хижины Рэда блеснула вторая вспышка огня, и крошечное облачко белого дыма медленно поднялось к небу. Овертайм закричал:

— Иди сюда, дурак! Они, повидимому, вовсе не хотят убивать тебя. Чего ради ты подставляешь себя под их пули!

Перк пришел в себя и едва шевеля ногами присоединился к своим спутникам.

— Не люблю я этого Перка, — прошептал один из рудокопов, — по приходится поручить это дело ему: отчаянный парень!

— Ну, еще бы, — отозвался другой. — Уходит из-под обстрела, словно шествует на похороны. А я всегда удираю во все лопатки, когда кто-нибудь открывает огонь.

Овертайм нетерпеливо взглянул на Перка: — Ну, генерал, — проворчал он, — сообщите нам твой план действий.

Как же нам выгнать этих ребят из их хижины?

Почувствовав себя в безопасности, Перк несколько оправился и горделиво начал осознавать всю важность своего нового положения вожака. Он понимал, что надо что-то предпринять, но ничего путного не приходило ему в голову.

— Ребята, — сказал он, подавляя дрожь голоса. — Просто не придумаю, как нам быть. Эти парни в полной сохранности там, где они сейчас находятся. Почему бы нам не оставить их в хижине Рэда до возвращения сержанта? Предоставим ему это дело.

Овертайм украдкой подмигнул одному из своих приятелей: Перк предлагал то, на чем они уже давно порешили сами. И далее больше этого: они уже поставили трех вооруженных людей в сосняке по другую сторону хижины, чтобы помешать Рэду и Джиму бежать по зимней тропинке, ведущей из поселка. Но в намерения Овертайма входило публично вывести Перка на чистую воду.

— Только то и всего, Перк! — разочарованно протянул он. — А мы-то ожидали, что ты придумаешь что-нибудь получше. Каждому из нас могло бы притти в голову дождаться сержанта.

К Перкинсу уже возвратилась его обычная самоуверенность; было очевидно, что не предстоит никакой погони за преступниками, и он почувствовал себя героем всего происшествия.

— В данном случае, — важно заявил он, — нам не остается ничего другого. Разумеется, если бы была основательная причина выгнать из хижины, я уже нашел бы великолепный способ.

Овертайм снова подмигнул своим приятелям.

— Пожалуй, ты прав, — задумчиво согласился он. — Нам остается отправиться во-свояси. Но, конечно, всем нельзя уходить отсюда, а то они могут сбежать. Знаешь что? Ты, как человек бывалый в таких передрыгах, оставайся-ка сторожить их. А к ночи мы тебя сменим.

Это предложение не совсем пришлось Перку по вкусу. Но все было лучше, чем преследование в открытую и погоня за двумя головорезами. И он быстро согласился



Овертайм взял Перка за локоть и подвел его к углу хижины.

— Видишь эту пустую лачугу впереди нас? — указал он, — Забравшись туда ты окажешься достаточно близко, чтобы приглядывать за ними, как бы они не сбежали. Если же они попытаются это сделать, не мне тебя учить, как поступать. Не своди с них глаз, как с тремучей змеи.

Перк пополз к лачуге с осторожностью испытанного бойца с индейцами и облегченно вздохнул, приподняв щеколду и переступив ветхий порог. Внутри лачуги он почувствовал себя в достаточной безопасности. Приблизившись к запятому оконному стеклу, он взглянул через лужайку на хижину Рэда Бэлларда и различил в ее окне чью-то физиономию. В ужасе отскочил обратно и прильнул глазом к щели между двумя проложенными мхом бревнами. Но выстрела не последовало.

Напротив, вскоре дверь хижины медленно отворилась и в ее отверстии появилась обросшая недельной бородой физиономия Рэда Бэлларда.

— Эй, ты там! — крикнул Рэд. Ответа не было. Перк притаился и старался не дышать.

— Эй, говорю я! — голос Рэда звучал почти жалобно. — Да что ты, воды в рот набрал, что ли? Я же видел тебя через окно и знаю, что ты там. Выходи, потолкуем!

Перк окончательно убедился, что ему готовится какая-то западня. Приглашение преступника предвещало ему нечто зловещее. Он не решился перейти к двери или к окну, но рискнул подать голос через свою щель:

— Говори-! Мне и отсюда слышно.

— Что же вы с нами делаете? Сколько мы не пытаемся выйти отсюда и сдаться, вы все прячетесь от нас, как от чумы! Раз мы было высунулись, а какой-то дурак стал стрелять и загнал нас обратно. А теперь слушай: мы

не сделали ничего такого, в чем надо было бы раскаиваться. Это я пустил пулю в Бена Харта, но он первый в меня выстрелил. Если мы выйдем отсюда, чтобы рассказать кому следует все, как было, обещаешь ты мне не трогать нас?

Речь Рэда звучала убедительно, и страх Перка уступил место самодовольной гордости.

— Ну, хорошо, — снисходительно ответил он. — Если вы хотите сдаться, я позабочусь о том, чтобы никто в вас не стрелял. Сержанта нет, — вернется только завтра. Но если вы спуститесь вниз в тюрьму, я присмотрю за тем, чтобы вас благополучно заперли на ночь. — И, для соблазна, прибавил: — Мало того, я вам, ребята, пригатащу сытный обед из моей столовой!

Последовало короткое молчание, пока Рэд совещался со своим приятелем.

— Мы согласны пойти в тюрьму, — заявил он, наконец.

Выходите безоружные! — внушительно приказал Перк. — И поднимите руки вверх, как можно выше!

Рэд послушно вышел, за ним показался его приятель. Оба, держа руки вверх, стали спускаться с холма. Перк, довольно улыбаясь, последовал за ними на почтительном расстоянии, небрежно сунув ружье подмышку. По дороге в тюрьму надо было пройти мимо обоих складов и, что было для Перка еще важнее, мимо заезжего двора. Он был немало разочарован, когда, приблизившись к складу Кампании, увидел, что там нет никого, кто бы мог полюбоваться на его триумфальное шествие. Но когда они подошли ко второму складу и столовой, он с удовлетворением заметил около дюжины любопытных и поровнявшись со столовой, свирепоскомандовал: «Держать руки вверх!»

С восторгом он заметил уголок глаза, что привлеченная его голосом к двери мамаша Туиллер присоединаясь к остальным зрителям и любовалась своим супругом. Это был величайший момент его жизни!

Спустя пять минут, передав тюремщику своих пленников, Перк вернулся домой и гордо вручил мамаше Туиллер ружье.

— Ты их поймал! Один против двух! — воскликнула она.

— Пустяки! — небрежно уронил Перк. — Я со всяким справлюсь, мамаша! Видала, они шагали передо мной как шестилетние ребятишки, — и прибавил, — ну, разумеется, это мне стоило немалого труда.

За столом в этот вечер Перк тщательно избегал касаться своего сегодняшнего подвига, но угостил ребят описанием одного из своих приключений в области Кэнтишна. Как и полагается, приключение было самое потрясающее, а Перк вел себя в нем сверх-героем.

Овертайму Бернсу не стало прохода от насмешек и подтруниваний товарищей. По их образному выражению, вместо того, чтобы сделать дурака из Перка, он сам остался в дураках, еще больше укрепив благоговение мамаше Туиллер перед ее мужем. То обстоятельство, что Бен Харт, вопреки мнению доктора, выздоровел, и Рэд Бэллард и Джим Гофф были выпущены на свободу, несколько не умаляло в ее глазах героизма Перка. А тот милостиво разрешал ей заботиться о его удобствах и порой

так надменно обращался с ней, что у Овертайма от бешенства чесались руки.

В один прекрасный день в поселок пришел маленький, оборванный парень, звали его Том Мак Манус. Был он из числа тех людей, которые готовы вступить в драку из-за любого пустяка.

С Овертаймом они были приятелями с тех пор, как вместе зимовали на Юконе в суровую зиму 1912 года. После обеда оба пошли в хижину Овертайма, покурить и побеседовать.

— Что это за ветряная мельница сидела на конце стола? — спросил Мак Манус, когда они успели вдоволь наговориться о прежних днях на Юконе. Задетый за больное место, Овертайм с возмущением разъяснил приятелю семейную ситуацию в заезжем дворе.

— Этот ленивый, ни к чему непригодный пес теперь задирает свой нос хуже прежнего! — заключил он.

Мак Манус расхохотался:

— Уж очень ты, дружище, неумело взялся его разоблачить. Удивляюсь, Овертайм, как ты плохо шевелишь мозгами!

— Если ты воображаешь, что твои мозги работают лучше моих, — вскипел Овертайм, — займись-ка сам этим делом.

— О, — зевнул Мак Манус, — я незнаком с этими людьми, да кроме того через пару дней ухожу отсюда на побережье. Чего ради мне впутываться в эту историю? Что же касается твоего способа действий, удивляюсь, как тебе еще не пришло заодно в голову пойти заявить мамаше Туиллер, что ее муженек пустомеля и жалкий хвастунишка и посоветовать ей развестись с ним. Она бы живо выцарпала тебе глаза. Нет, в таких случаях надо поступать иначе. Послушай-ка Овертайм, слышал ты когда-нибудь о психологии?

— Неважно, слышал я о ней или нет, — огрызнулся Овертайм. — Как бы там ни было, вопрос не в том, кто из нас крепче образован. Если ты предпочитаешь шмыгнуть в кусты...

— Психология, — перебил Мак Манус, — единственный способ излечить женщину, которая находится в таком ослеплении, как ты рассказываешь. Будь я в этом заинтересован, держу пари что в десять минут вывернул бы этого Перка наружу.

— Наконец-то ты заговорил о понятных вещах. Охотно готов держать пари на пятьдесят долларов, что ты тоже не сумеешь вывести Перка на чистую воду и даю тебе на это не десять минут, а десять дней.

— По рукам! — быстро подхватил

Мак Манус. — В моем кошельке не густо. Твоих пятьдесят бумажек мне как раз хватит на ночлеги и еду до самого побережья. С утра примусь за дело.

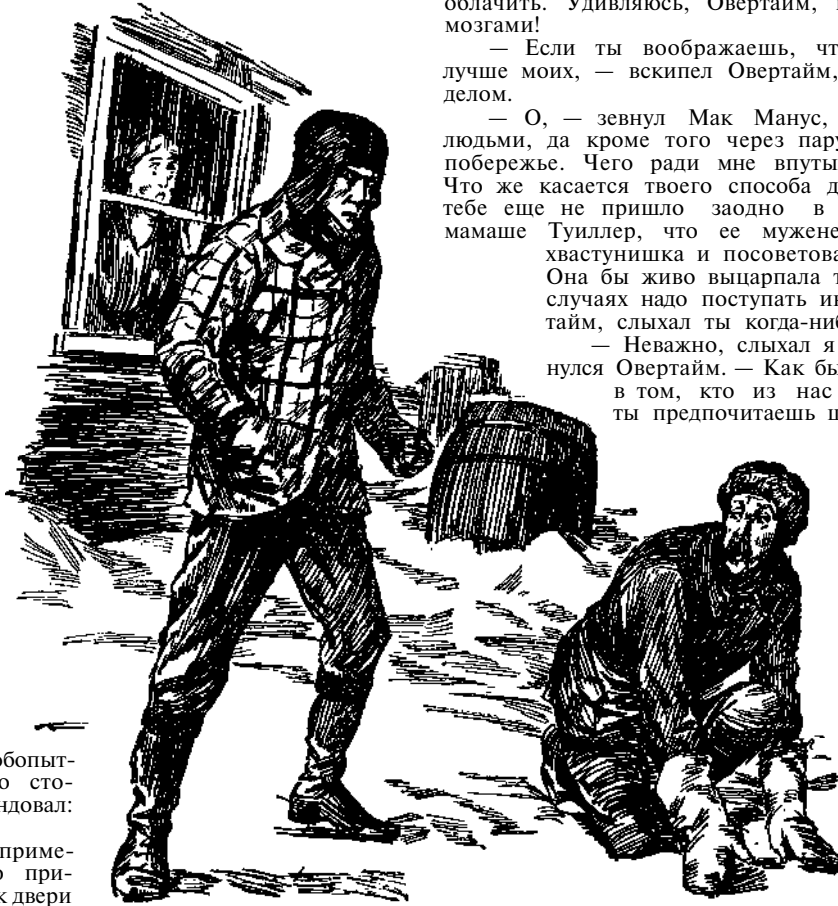
На следующее утро Мак Манус позавтракал с остальными в заезжем дворе. Потом, когда все разошлись на работу, стал лениво прогуливаться против склада Кампании. Из разговора с Овертаймом он запомнил кое-что о привычках Перкинса Туиллера и знал, что тот вскоре отправится в трактир — провестись утро за игрой в покер.

Ему не пришлось долго ждать. Через полчаса Перк, с довольным видом посасывая свою трубку, вышел на улицу.

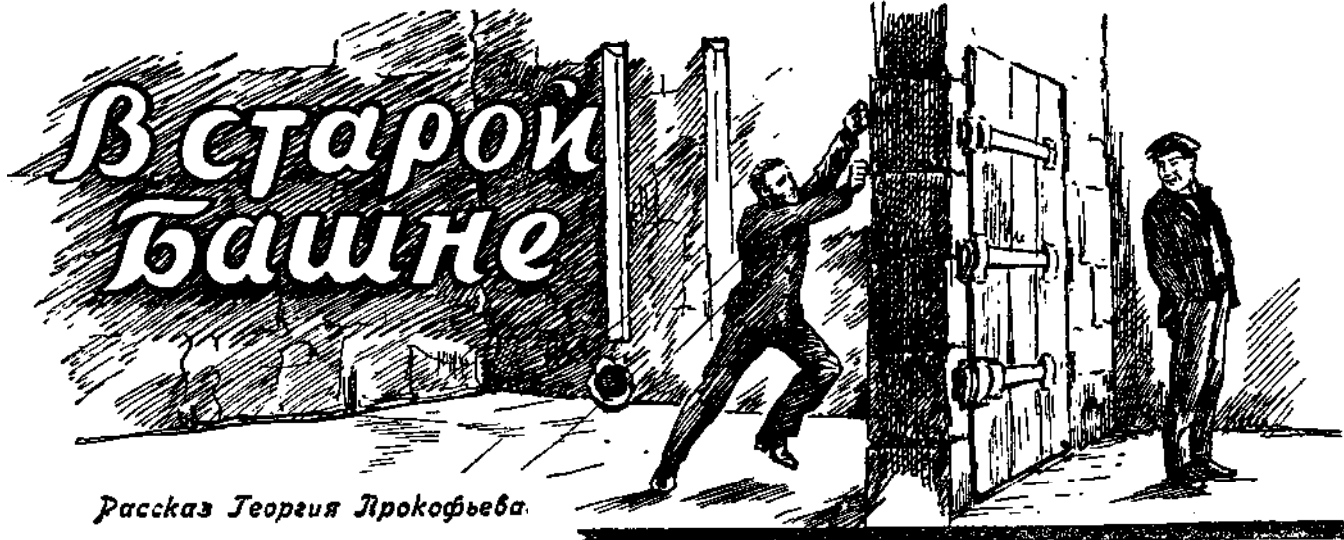
Мак Манус быстро двинулся ему навстречу. В десяти шагах от Перка он остановился в драматической позе и уставился на него свирепым взглядом.

— Стой, — загремел он. — Стой на месте, или ты свалишься замертво!

Перк стал, как вкопанный. Кровь медленно отлила от его румяных щек, и он как замороженный смотрел на маленького оборванца, решив сначала, что имеет дело с сумасшедшим. Внезапно его глаза почти выкатились из орбит: Мак манус повернулся в полоборота к Перку, его правая рука была заложена в рваный карман куртки, и карман подозрительно оттопыривался!



А теперь еще раз, обратно.



Рассказ Георгия Лрокофьева.

Иллюстрации Н. Ушина.

В этот тихий летний вечер, когда вместо солнца на западе осталась лишь догорающая красноватая полоска и над полями повеяло вечерней прохладой и несло издали разноголосое мычание усталого стада — в этот день мне удалось поговорить «по душам» со странным пассажиром, который занимал меня уже несколько дней. Впрочем, странность у него была лишь одна: несмотря на то, что на взгляд ему нельзя было дать и тридцати лет, голова его была совершенно седая.

Пароход тихо скользил между засыпающими берегами. Мы оба сидели у борта, лениво перебрасываясь фразами, когда я внезапно спросил у собеседника:

— Так, когда же вы расскажете мне о том, каким образом вам удалось переокрасить так внезапно свои волосы?

Собеседник мой (фамилия его была Брячиславин, он был инженером и ехал в отпуск) сделался серьезным, и, после минутного раздумья, проговорил:

— Что ж... Хотя сейчас... Вечер прекрасный и располагает к откровенности. Прежде чем начать рассказ, позвольте вас спросить: вы когда-нибудь испытывали ощущение приближающейся смерти?

— Да, был такой момент. Не один даже раз. На фронте.

— А я хочу рассказать вам об одном случае, который произошел уже тогда, когда отгремели все войны. Я пережил несколько настолько жутких минут, что иной, быть может, и перенесший обе войны, не испытывал такого.

— Случилось это три года тому назад. Я тогда благополучно превратился из студента в инженера и на время летнего отпуска уехал в Уральскую область. Там, в районе города N-ска, жил старый мой знакомый, инженер, подпольщик-революционер когда-то, вдоволь испробовавший прелести царских тюрем и каторги, но сохранивший свою бодрость, юмор и хлебосольство. Он тогда руководил строительными работами в том районе. У него поселилась на лето шумная компания. Я же с одним своим товарищем — ленинградским рабочим, — поселился невдалеке от них, в домике старого рыбака.

Я целые дни проводил на протекавшей вблизи широкой и полноводной реке с живописными берегами. Ловил рыбу, купался, словом, брал от природы все, что можно было. Я был большей частью один: товарищ мой был страстный охотник и забывал весь мир, забравшись далеко в лес.

Так проходило время.

Однажды, проснувшись утром, я нашел на столе у себя такую записку:

«Вспомните Исаева, которого вы так подлю подвели пять лет тому назад. Я не забыл этого до сих пор, да этого и нельзя забыть. Ведь вы тогда одним ударом разрушили все мои (планы. Я знаю также, что сведения о моем прошлом, которыми вы располагаете, неминуемо приведут меня к расстрелу, если я попадусь в ваши руки. Я все это знаю. Я ваш враг, но я не собираюсь вам мстить. Я вернулся недавно из «заграничного турне» на свою «дорогую родину»... Но это не относится к делу. Я предлагаю вам явиться сегодня не позже пяти с половиной часов в «Вавилонскую башню». Разумеется, без свидетелей. Не вздумайте также устраивать засаду или что-нибудь подобное: я стреляный воробей и не позволю одурачить себя еще раз. Я намерен поговорить с вами об одном чрезвычайно серьезном деле, которое и вам должно показаться интересным и, уж, наверное, не покоробит вашу хрустально-чистую совесть! Будьте благоразумны и приходите!»

Прочитав эту пространную записку, я задумался. Я вспомнил Исаева, небольшого суетливого человечка с бегающими близорукими глазами и всегда дрожащими руками. До революции он был присяжным поверенным, после революции он занялся неопределенными делами. Ходили слухи, что он ловил рыбку в мутной воде, совершал какие-то спекулятивные аферы. Я жил в одном доме с ним и поэтому часто с ним встречался. О том, что тогда несладко жилось, я думаю, не нужно рассказывать. Приходилось грызть гранит науки, довольствуясь микроскопическим пайком. Исаев это знал и решил, очевидно, меня использовать для своих проделок. Он однажды явился ко мне и, после льстивого предисловия, прозрачно стал намекать на какое-то «дельце», в котором я могу принять участие. Я сделал обрадованный вид и осторожно выпытал у Исаева все подробности. Это «дельце» пахло прямым государственным преступлением. Исаев ушел от меня почти уверенный в моем согласии. Я же, не теряя времени, сообщил куда следует, и Исаев был пойман вместе со своей шайкой. Самому ему удалось благополучно улизнуть за границу. И вот, пять лет спустя, он снова вынырнул здесь и зовет меня в «Вавилонскую башню».

«Вавилонской башней» местные жители называли громадную каменную башню, стоящую на берегу реки над обрывом. Говорили, что ее построил много лет тому назад один сказочно-разбогатевший купец-самодур. Инженер как-то говорил, что эту нелепую камен-

ную громадину решено сломать и употребить камни на что-то другое.

Когда я выходил из ворот, ко мне подбежал босоножий, загорелый мальчуган и подал мне записку. В ней мой приятель-инженер в шутилом тоне приглашал меня на какое-то «эффектное зрелище» и я занятый другими мыслями, не дочитав этой записки, рассеянно сунул ее в карман.

Почти целый день, рассеянно блуждая по берегу, я раздумывал над вопросом: итти или не итти в «Вавилонскую башню»?

Но моя молодая беззаботность, щекочущее ожидание какого-то 'необычайного приключения, и, наконец, желание проучить неведомого шутника, если это была чья-то шутка, — толкнули меня на такой опрометчивый шаг.

Предусмотрительно захватив с собой револьвер, я отправился в путь и около пяти с половиной часов был у башни.

Странный контраст представляло это мрачное сооружение с окружающим радостным блеском ясного летнего дня. Узкие прорезы в стенах башни зловеще чернели, как глазные впадины черепа, а вход в нее с сорванной с петель тяжелой дверью казался открытым беззубым ртом.

Я обошел башню кругом, попробовал крикнуть, но никто не отозвался. Тогда, ощупывая в кармане револьвер, я вошел в башню и, осторожно оглядываясь вокруг, стал подниматься по вздрагивающей лестнице вверх.

Поднимаясь все выше и выше я стал внимательно рассматривать все каменные ее комнаты. Всюду я находил покрытые мохом стены, обвалившиеся камни и сорванные с петель двери. Узкие бойницы в стенах пропускали очень мало света. В полутьме на полу мелькали проворные ящерицы. Где-то «наверху звонко переговаривались ласточки.

Меня начало охватывать неприятное, томительное чувство. «Нет, пора выходить отсюда!» — подумал я, но все-таки решил обойти сначала всю башню. Теперь я был умерен, что кто-то пошутил надо мной, заставив совершить это странствие.

Но, когда я уже собрался повернуть обратно то заметил прямо перед собой прибитую к стене бумажку и на ней нарисованную красным карандашом стрелку, которая указывала на открытую дверь рядом. Я счел это за указание себе, поколебался с минуту, но потом, решительно выхватив револьвер, шагнул в растворенную дверь.

Но в комнате, в которую я вошел, ничего и никого не было. Разочарованный я уже хотел уйти, но тут мое внимание привлек большой лист бумаги на стене, исписанный красным карандашом. Я поспешно подошел к нему и в неясном свете, проникавшем сквозь две узкие бойницы, с трудом стал разбирать:

«О, премного уважаемый честный враг мой! Я был уверен, что вы явитесь. Так и вышло. Вам недолго придется ждать. Пока вы разбираете эти слова, за вашей спиной»...

Внезапно сзади раздался тяжелый грохот и ржавый лягз. Я стремительно обернулся и застыл пораженный: дверь была закрыта и за ней гроыхало ржавое железное задвигаемых засовов! Еще не понимая ничего, но уже в непобедимом предчувствии какой-то непоправимой беды, я рванулся к двери и бешеными толчками попытался отворить ее. Напрасно: массивная, обитая железом дверь не дрогнула.

Охваченный тяжелым, томительным чувством я ошеломленно прислонился к стене и вдруг услышал за

дверью далекий сиповатый голосок, изменяемый странным эхом так, что казалось, словно говорят несколько одинаковых людей. Захлебываясь в торжествующем злорадстве, сиповатый голос выкрикивал:

— Ничего, ничего, не волнуйтесь, милейший! Просто небольшой эксперимент, ха-ха-ха... Вы также легко попали в ловушку, как я пять лет тому назад влопался в вашу! Вы-с человек нового, строитель будущего, а я отживший червячок, бывшее ничтожество, да-с... Видите ли: я придумал для вас одну забавную средневековую штучку: я аккуратненько закрываю вас в этой комнатке, а сам ухожу подальше и наблюдаю издали, как ваши куски летят к небу вместе с этой каменной несуразицей! В межпланетное пространство полетите, дорогой мой, и — хи-хи-хи-с... Ну-с, до свидания на том свете, мой милый, оставаться здесь становится уже опасным и я ухожу. Остальное узнаете из моей записочки, которую я вам помешал дочитать. Всего хорошего. Адьо-с!

Хихикающий злобный голос отодвинулся вдаль и замолк. Я напряженно прислушивался, но из-за двери не доносилось больше ни одного звука. Я терялся в догадках. Рассеянно сунув револьвер в карман, я нашел там какую-то бумажку. Она оказалась запиской от инженера, которую я не прочитал раньше. Машинально развернув ее, я стал пробегать написанное, но чем дальше я читал, тем напряженнее взгляд впивался в буквы. Вот, что в ней было:

«Товарищ Брючиславин! Сегодня в шесть часов вечера вы имеете возможность присутствовать на просмотре грандиозной постановки, чрезвычайно короткометражной картины. Постановка, сценарий и все прочее — мои. Эффектное зрелище. Будем взрывать «Вавилонскую башню». Я нарочно выбрал время, когда она будет хорошо освещена предвечерним солнцем. Соединим приятное с полезным! Мы соберемся на другом берегу, против нее. Запомните, в шесть часов и ни секундой позже или раньше произойдет взрыв. Будьте».

Судорожно скомкав в руке записку, я неподвижным взором глядел перед собой. В первую минуту я не понял всего ужаса своего положения. Но затем, растерянно оглядываясь вокруг, я начал приходить в себя и тогда ужас охватил меня леденящей волной. Едва различая окружающее, я в бессильном отчаянии заметался по комнате. Но скоро рассудок взял перевес над отчаянием:

— Рано отчаиваться! — успокаивал я сам себя. — Лучше обсудить за и против, если... если еще осталось время...

Я с лихорадочной поспешностью выдернул из кармана часы: было без двадцати минут шесть. За эти двадцать минут я должен выбраться из этого каменного мешка. Что предпринять? Дверь была несокрушима: оставалось поискать другой выход. Прежде всего, я тщательно осмотрел две узкие бойницы, заменявшие собою окна. Длиною они были почти в человеческий рост, но узки настолько, что пролезть сквозь них было немислимо. Попытки отворотить один из камней, чтобы расширить отверстие, окончились неудачей. Взглянув сквозь них, я обнаружил, что они выходили на противоположную реке сторону, в поле. Значит, даже криками я не мог бы дать знать о себе своим друзьям на том берегу.

Наконец, я попробовал прочность самих стен, тщательно ощупал и обстукал каждый камень, но все было напрасно: стены были как вылитые. Угасла последняя надежда на спасение. Теперь не было ни одного шанса за. Я бессильно опустился на пол, прислонясь горячей головой к холодной стене.

— Неужели гибель? — взвизвенно понеслись мысли, — неужели через несколько минут придет нелепая и страшная смерть, в одиночестве, среди груды каменных осколков? Ведь в те грозные годы, когда пачками гибли люди в яростной борьбе — я остался невредим. А теперь, когда за этими стенами весело гремит и блещет жизнь, — я погибну...

Быть может, инженер на другом берегу уже готовится соединить провода, перекидываясь шутками с остальными...

Но затем мною овладел приступ апатии. Я бессмысленным взглядом смотрел перед собою в безразличном ожидании гибели.

В голове шумело. Перед глазами колыхался туман. Какой-то пуганый бред кровавой пеленой надвигался на меня. В сумраке появились странные видения, закружились, закачались уродливые кошмары.

Странно: весь полузабытый вздор прочитанных когда-то романов вдруг всплыл в памяти в эти предсмертные минуты.

То передо мною (маячил сутулый прелат в черной рясе, костлявыми пальцами перебирая четки и устремив на меня пылающий ненавистью взгляд. То я стоял среди огромного сводчатого зала и ко мне медленно приближался кто-то в красном, а вдали мерцали огоньки свечей и звучал суровый напев. То у моих ног с тихим рокотом плескались волны, а от чернеющего вдали замка мчался Исаев, хихикая и сверкая глазами...

Но вдруг, разрывая удушливую паутину кошмаров, громыхнуло совсем близко несколько выстрелов.

Я очнулся, покрытый холодным потом. Безумно колотится сердце, все качается кругом. С трудом начинаю понимать, что стрелял я, так как в руке у меня револьвер. Но то, что я увидел перед собой, заставило меня разом вскочить на ноги. Одна бойница была гораздо шире другой!

По странной случайности, выстрелов в бреду, я попал, вероятно, в какую-то незаметную для глаз трещину и это заставило отвалиться большой кусок камня.

Снова во мне загорелась надежда. Теперь можно было попытаться пролезть в это отверстие.

Но... время? Выхватив часы, я взглянул на них и застыл: стрелки показывали одну минуту седьмого! А взрыв был назначен ровно в шесть! Но в следующее мгновение я уже яростно проталкивался в отверстие. Мне казалось, что у меня ломаются ребра, несколько раз я был близок к обмороку, но все же продолжал продвигаться вперед, стиснув зубы, обливаясь потом от безумного напряжения. Секунды казались часами.

Но вот я почувствовал легкое дуновение ветра — я оказался снаружи. Но внизу подо мной на несколько саженей тянулась совершенно гладкая стена, без малейшего выступа, за который можно было бы схватиться. Взглянув назад, я увидел над головой обломок какого-то балкона. Я схватился за него и хоть он качался и дрожал под тяжестью моего тела, все же мне удалось благополучно взобраться на него.

Потом еще и еще, словно в каком-то полусне, я перелезал и перепрыгивал куда-то и оказался на плоской крыше башни,

Взглянув с головокружительной высоты вниз, я различил на другом берегу извивавшейся реки кучку людей.

Тогда, бегая по самому краю и неистово размахивая руками, я стал кричать. Всю жажду жизни, всю надежду на спасение, все последние силы я вложил в эти отчаянные вопли. И люди внизу услышали меня.

Они тревожно забегали по берегу, некоторые из них, прыгнув в лодку, торопливо гребли к башне, а потом я слышал откуда-то крики: «Держитесь! Мы идем!» и потом сознание покинуло меня.

Я очнулся на берегу, на влажной от вечерней росы траве, надо мной склонились встревоженные лица моих друзей, приветствовавших мое спасение.

Брячиславин взволнованно провел рукою по волосам и замолк.

— Но почему запоздал взрыв? — спросил я после некоторой паузы.

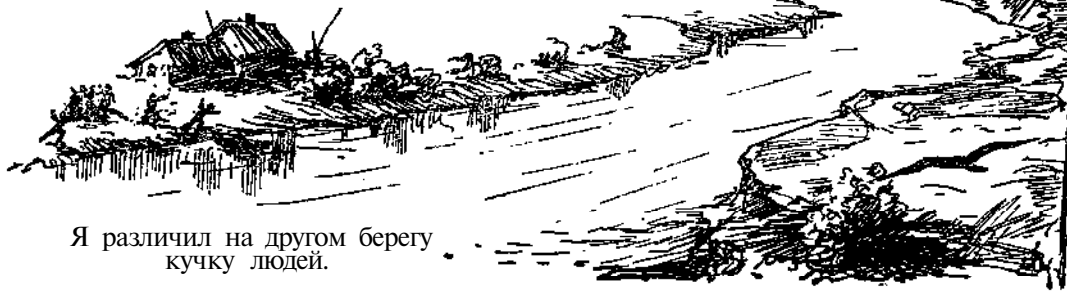
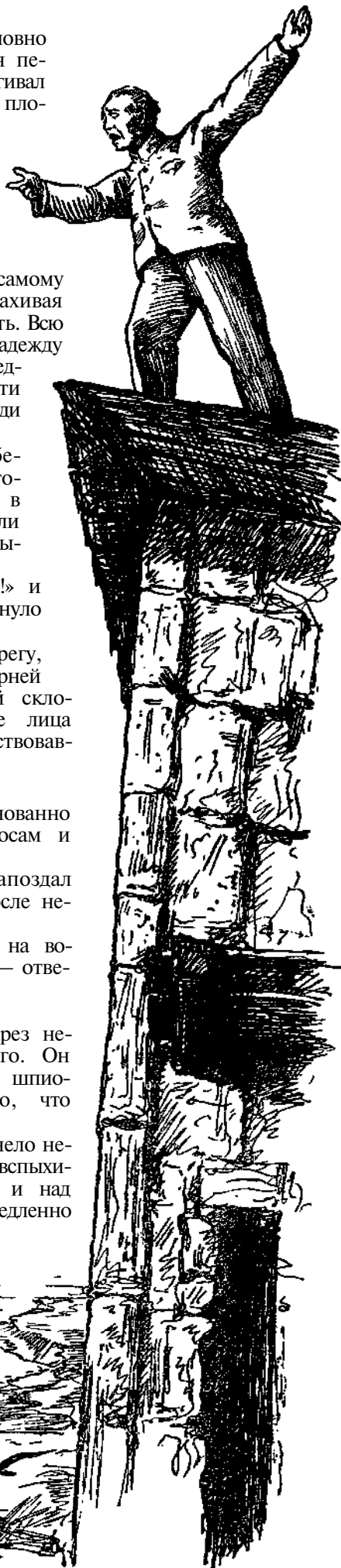
— Мои часы были на восемь минут впереди! — ответил он.

— А Исаев?

— Его поймали через несколько дней после того. Он оказался иностранным шпионом и... получил то, что заслужил.

Уже совсем потемнело небо. Одна за другой вспыхивали на нем звезды и над сияющими полями медленно вставала луна.

Мы оба молчали.



Я различил на другом берегу кучку людей.

БРАЗИЛЬСКИЕ ОЧЕРКИ

Реднард КИПЛИНГ

Перевод М. Ирской

СВЕТ И СИЛА

Существует своеобразная легенда о происхождении города Сан - Паоло. Говорят, что это было первой остановкой, где путешественники могли переменить одежду и обсохнуть после того, как проезжали через пояс облаков. В те времена люди помещали эти места в поисках рабов, минералов и всевозможных видов смерти.

Кто пожелает проехать от Рио до Сан-Паоло морем, тот должен подойти к Главной Авениде и окликнуть один из спящих там пароходов. Их там неограниченное количество, почти столько же, сколько автобусов!

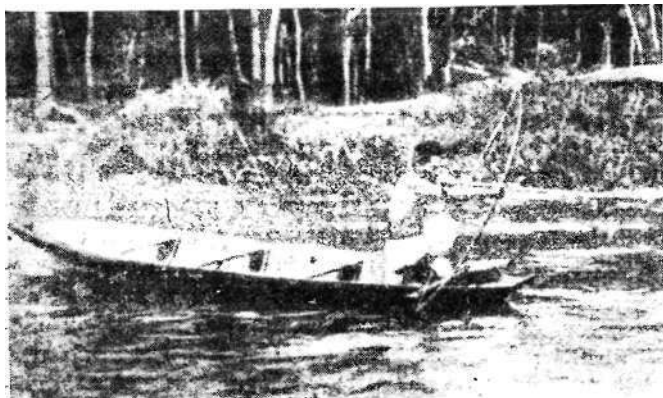
Мы так поступили однажды, когда город вечером залился электрическим светом. Пробираясь через бухту, мы видели раскинувшиеся перед городом причудливые огни, мчавшиеся назад с необыкновенной быстротой, сверкая драгоценными петлями вдоль фестончатых берегов моря и покрытых бриллиантовой пылью вершук гор. Внезапно, точно разорванное ожерелье, они исчезли и не появлялись, пока мы огибали мыс. Затем выплыли снова, загораясь еще ярче на пляже Копакабаны, где высокое, словно выточенное из слоновий кости, здание озаряло ярким, белым светом чудовищный квадрат!

Они кончались далеко на берегу у подножия ближних гор. Их очертания вырисовывались в жидком тумане, повисшем над темными частями, сверкающего как папская тиара, города.

Неожиданно исчезло прекрасное зрелище! Исчезло так же, как скрылись сокровища царя Соломона за завесой, задержанной неслась дивншей их красотами царицей Балкис.

ДРЕВНИЙ САНТОС

Медное западно-африканское небо простиралось над нами, когда мы достигли Сантоса, порта Сан-Паоло. Мы поднялись вверх по маленькой реченке, протекающей между двух зеленых плоскостей и причалили к гавани, где выгружались корабли, собравшиеся сюда со всего света. Выгружали предметы роскоши, различные механические части и приборы. Огромные мешки с кофе легко катились по движущимся сходам, сваливаясь на судно, как обезглавленные туши жирных свиней. Вниз по течению плыли барки с целыми горами неспелых бананов, выделявшихся ярко-зеленым цветом на светлых свежескрашенных палубах. Воздух напоминал собой воздух южной Индии. Там и сям мелькали большие соломенные шляпы, предохранявшие людей от солнечных ударов.



Туземец-рыбак, одинаково хорошо владеющий луком.

Когда-то давно команды судов, стоящих в Сантосе, нещадно косились желтой лихорадкой. Богатые торговцы банкиры и купцы, скрываясь от страшного недуга, каждый вечер торопились уехать в горы. Потом осушили болота, поборолы лихорадку, огромные грузовики заменили мулов, и всюду воцарилась чистота.

Затаив дыхание, суровый древний город со светлыми домами и кофейными рощами все еще продолжает тихо нашептывать о рабстве и страшной болезни.

Нарядные, лакированные машины то и дело быстро скользят по твердому песчаному пляжу, привозя из Сан-Паоло жаждущих отдыха людей.

Сантос все больше и больше становится похожим на модный курорт Брайтон.

Опередили железную дорогу и покатали по засаженной бананами местности. Мы направлялись к цепи гор, покрытых облаками. Одну из розовых вершук черная вертикальная линия разделяла на две части.

— Вот и силовая станция, куда мы едем. Поезд подымется на гору, и вас подымут, только не в поезде. Жаль, что так низко спустились облака: они не дадут вам возможности полюбоваться прекрасным видом.

Автомобиль свернул в сторону.

Запахло свежим деревом. Рядом с дорогой деловито бежали красные трубы. Мы остановились у кирпичного цвета бассейна, в который с высоты двух тысяч футов прямо из облаков спускались более тонкие трубы.

Перед нами со всех сторон выростали черепичные и бетонные здания. Тут были дома, выстроенные из дерева и жести. Над маленькой, полной удивления реченкой, несущей в своих берегах непомерное количество воды, склонились четыре гигантских крана.

В течение двух последних лет люди боролись с заросшей деревьями скалой. Здесь все смешалось — национальности и языки, все, объединенные одним желанием, не раз оказывались жертвами предательской почвы. Она напомнила собой сыр рокфор. Мешали работе дождь и засуха; недостаток материала, неаккуратный подвоз и много других, тормозящих дело, причин. Люди работали в темноте, утопая по колено в грязи.

ДИНАМО

Мы приближались к зданию силовой станции. Тут действовала попавшая в плен вода. Ее стремящийся с двухтысячной высоты поток вертит огромные колеса. Их сложный механизм называется «Колесами Пелтона»; они движутся с невероятной быстротой. Два таких колеса являются источниками жизни огромного Дьявола — Абу Биджил — Отец Молний. Когда подходишь к нему, надо снимать головной убор, потому что иначе он своим дыханием сорвет его с вашей головы. Он известен своим слугам по имени Динамо, владелец многих тысяч лошадиных сил.

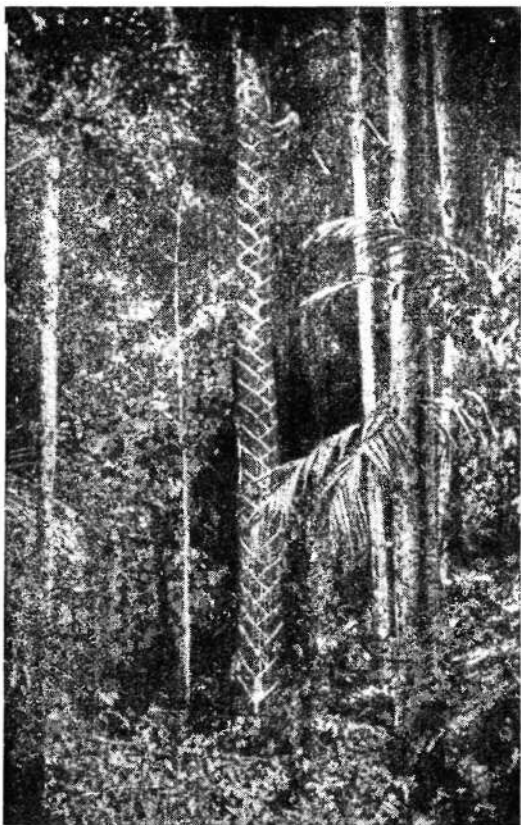
Тут царит «мощь». Всякий может объяснить, каким путем она сюда попала, но огромного ее значения не понимает никто. Благодаря Колесам Пелтона (за которые он не ответствен), Абу-Биджил развивает силу, не превышающую его возможности. Эта сила, распространяясь дальше, увеличивается от шести тысяч вольт до восьмидесяти тысяч вольт при помощи «трансформаторов». Трансформаторы похожи на скелеты китайских пагод с фарфоровыми вертушками, вроде волчков.

Дальше история Абу - Биджил так же проста, как история Адама. Он создал эту силу, теперь человек должен затратить всю имеющуюся у него энергию, чтобы держать ее в этих пределах. Вода с небес уже не может не вертеть колес, а Абу-Биджил, в свою очередь, не может перестать вырабатывать эту «силу».

В этом же здании есть один этаж, где почти не слышно шума колес и воды. Здесь то и дело зажигаются разноцветные огни на огромной доске, похожей на доску, которые бывают в гостиницах для записи фамилий приезжающих, выскакивают один за другим номера, вырастая в сложные цифры, достигая своего максимума.

Выйдя из здания, мы направились к маленьким вагончикам, поднимающимся вверх на гору по толстому проводу. Эта дорога расположена рядом со спускающимися сверху трубами. Мы сели в вагончик, под нами как из корбки, в которой вывалилось дно, разворачивалась не обыкновенная панорама. С высоты двух тысяч футов мы видели жаркий Сантос и его маленькие пароходики, бегающие вниз.

У инженеров, как они нам сами рассказывали, было не мало хлопот с этим горным склоном. Когда вырубали на нем весь лес, чтобы проложить трубы, почва стала распол-



Гигантское каучуковое дерево.

заться. Сейчас, чтоб удержать ее, насаживают миллионы эвкалиптовых деревьев. Но и с эвкалиптами обстоит не все благополучно. Местные муравьи, большие их поклонники, бесовски уничтожают их. Надо бороться с муравьями, и их собираются выживать удушливыми газами.

— Связался с природой, так долго не развяжешься! — заметил один из инженеров.

Мы въехали в тучу, скрывающую все от нашего глаза. Казалось, мы попали в белую пустоту, расположенную на краю цементной дороги, круто поворачивающей в неведомое пространство. Где-то внизу промывал невидимый автомобиль, с шумом унося кого-нибудь из отдыхающих в Сан-Паоло. Нас окружал толстый слой облаков. Справа видна была тень высоких деревьев. Слева лился белый свет.

Инженер нервничал, огорченный тем, что не мог показать нам длинную цепь озер, но как же могло быть иначе, когда ежегодно здесь выпадает двенадцать футов осадков.

САН-ПАОЛО ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ

В город мы попадаем на автомобиле. Мы мчимся по открытому месту, пока, наконец, перед нами на горизонте, в серых и кремовых тонах, вырисовываются его громады. Ясно без всяких объяснений, что это огромный город. Он вырос благодаря нуждам транспорта и имеет свою историю. Появился кофе, король этих мест, и Сан-Паоло стал постепенно распухать, превратившись в огромный город, который доставляет плантаторам все «блага жизни». Затем вступила в свои права заводско-фабричная промышленность и, наконец, война, во время которой не было подвоза, заставила Бразилию развивать свои силы всерьез. Сан-Паоло принял на себя роль вождя, все больше и больше вклиниваясь в страну. Пока не видно еще конца этому росту, да и причин для его прекращения нет. Маленькие подъемы и спуски не мешают большому строительству, песок и кирпичи можно достать всюду. Давно уже распланированы фабричные кварталы. В душистых садах спокойно приютились дворцы, куда не доносится шум заводов и железных дорог, городской муниципалитет имеет огромные виды на разбивку парков и бульваров.

Это не трудно! Несколько акров теплой, влажной земли, лучшие сорта пальм, любое парниковое растение, растущее на дороге. Через десять лет все превратится в волшебное царство!

УЖАСЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Одним из страшнейших бичей средневековья была вера в ведьм. По достоверным источникам известно, что в средние века было сожжено приблизительно 100.000 женщин и девушек, считавшихся ведьмами. В одном только из городов Испании было живьем спалено 34.650 еретиков. И если взять все костры испанской инквизиции и израсходованные на них поленья нагромоздить одно на другое, то получился бы такой столб, который бы высоту Чимборассо превзошел бы в 10 раз.

Только в середине восемнадцатого столетия в Германии впервые закончились последние ведовские процессы. В 1749 году, в Вюрцбурге, семнадцатилетнюю монашку Ренату Зингер обвинили в том, что якобы она уже 12-летней девочкой занимала почетное место у трона сатаны. Ее обезглавили и предали сожжению. Самая последняя казнь в Германии произошла в 1756 году, когда четырнадцатилетнюю девочку-крестьянку из Баварии обезглавили за то, что она «билась о заклад с дьяволом».

Но еще и в 1782 году в Швеции предали казни «ведьму» — служанку Анну Гольди. Зато в Испании этот ужас закончился лишь в 1788 году.

Карпцов, тайный советник саксонского двора и доктор прав в Лейпциге, вынесший один 20.000 смертных приговоров, в середине семнадцатого столетия выпускает книгу, в которой рекомендует употреблять ряд следующих орудий

пыток: испанские сапоги, «сжим» для ногтей, подымание на дыбы, растягивание и кнутобойство. Все предлагаемые им пытки не влекут за собой смертельного исхода, но вызывают увечья и невыносимейшие боли; так, напр., пальцы ног осужденному перевязывают между собой веревкой; его самого кладут между двумя крепко связанными досками, а конец веревки навертывают на ворот. Пальцы от натуги выскакивают, жилы рвутся — вся история до безумия мучительна. Пока это длится, осужденному до тех пор льют в рот через воронку холодную воду, пока его живот не вздуется горой; на голое тело капают кипящую смолу; под ногти вгоняют деревянные колышки; прямо на тело сажают жалищих насекомых; пятки посыпают солью и дают их лизать козам; негашеную известь фильтруют в ноздрях; подмышки подставляют горящие свечи. А там, где эти пытки не помогли, применялись новые: «Датский плащ», «Английская шляпа», «Испанские сапоги» и т. д. Последнее орудие обладало сокращающимся механизмом и стягивало ноги до тех пор, пока не крошились кости; если же пытку необходимо было усилить, то по сапогу ударяли тяжелым молотом или лили кипящую смолу.

Все эти мерзости у Карпцова должны были происходить под «строгим допросом», параграф же казни на плахе он называл милостью.

ЖИВОТНЫЕ ПЕРЕД СУДОМ

Очерк Г. РАУНТРИ

«...Дабы» вышеупомянутые ответчики были в состоянии изложить причину своего поведения путем защиты своих нужд и требований и дабы они не могли ни на что жаловаться при ведении этой тяжбы, прокуратор Ганс Гриненбер назначается их защитником...»

Это—отрывок из документа, датированного 1519 годом и сохраняемого в судебных архивах округа Стельвио, в Западном Тироле. Любопытно, что под этими «вышеупомянутыми ответчиками» имелись ввиду... полевые мыши. Повидимому, поселене округа Стельвио страдали от опустошения посевов полевыми мышами и, согласно обычаю того времени, обратились за помощью в суд. Они подали на мышей жалобу за то, что те «роют и вздымают землю так, что на ней не могут произрастать ни трава, ни другая зелень», вследствие чего земледельцы терпят большой урон и не могут уплачивать свои арендные взносы.

В поступке земледельцев не было ничего удивительного или необычайного для их современников, и суд отнесся к этому делу с должной серьезностью.

Гриненберу выпала несколько трудная задача, но он сделал все, что было в его силах: отметил в своей защитительной речи ту прибыль, которую его клиенты приносят поселянам, поедая вредных насекомых и обогащая почву и, предвзято обычно выносимый в подобных процессах приговор, просил о снисхождении при приведении приговора в исполнение. Словом, он признал виновность полевых мышей и представил смягчающие обстоятельства.

Ученый судья склонил свой слух к речи защитника. Правда, он был обязан приговорить мышей к изгнанию, но проявил при этом вдумчивое внимание к их удобствам: распорядился выдать им охранную грамоту, дабы они не стали добычей своих природных врагов во время путешествия и, снисходя к ходатайству их защитника, даровал двухнедельную отсрочку мышам, матерям семейств; было очевидно, что мыши-младенцы не в состоянии пуститься в это путешествие. Интересно, как представлял себе почтенный судья шествие мышей-мамаш с ребятами на руках!

Приговор к изгнанию подобных преступников легко было вынести, но трудновато привести в исполнение. Однако, судебные власти всегда находили поддержку в лице сильной в средние века церкви. Епископ округа произнес анафему, которая должна была ужаснуть упорствующих вредителей и обратить их в бегство. Но и анафема оказывалась недействительной в отношении животных и насекомых. Таков, напр., процесс жуков, которые опустошали жатвы в Бернском округе в Швейцарии, в 1479 г. Этот знаменитый процесс, благодаря изобретательности защитника жуков, продолжался целых два года. Наконец, судья приговорил жуков к обычному изгнанию но они не обратили на это никакого внимания. Епископа Лозанны просили произнести анафему, но защитник выдвинул щекотливое возражение: крайне неуместно изрекать церковное проклятие созданиям, которые спутствовали Ною в его ковчеге. Представитель обвинения справедливо указал, что нет никаких очевидных данных за то, что Ной действительно взял в ковчег жуков. Этот серьезный вопрос снова и снова дебатировался перед церковным судом. В конце концов епископ счел для себя допустимым проклясть жуков в соответствующих величественных выражениях, но эти дерзостные насекомые игнорировали его проклятия, оставаясь все такими же несметными и прожорливыми. В итоге епископ объявил, что жуки были посланы в наказание за грехи жителей, которые не уплатили церковную десятину.

Впрочем, анафема, произнесенная во время, т.-е. когда природное бедствие само шло на убыль, оказывалась дей-

ствительной. В таких случаях, конечно, вся заслуга приписывалась церковному авторитету. Так было в начале XV столетия, когда угри наводнили Женевское озеро. Они были так многочисленны, что загрязнили воду. Не в силах справиться с ними, прибрежные жители обратились к епископу Лозанскому. Он так успешно проклял угрей, что они погибли. Иначе говоря, он наложил на них проклятие, когда они уже настолько размножились, что в озере им не хватало пищи, и они стали выводиться.

Иногда случайное совпадение укрепляло веру в силу проклятия, например, в начале XVIII века, когда муравьи сделали необитаемым монастырь святого Антония в Бразилии. Муравьи поселились в кельях братьев, грызли их кладовые, грызли их мебель и угрожали разрушить само здание. Братья принесли жалобу епископу, который приказал муравьям явиться к нему на суд и, как полагалось, назначил им защитника. Защитник назвал братьев захватчиками собственной территории его клиентов. Муравьи, — утверждал он, — издавна владели этой землей, еще до постройки монастыря, а посему были в праве поедать все, что они на ней находили, будь то съестные припасы, будь то ножки стульев, не говоря уже о садовых плодах. Он провел, правда, несколько нетактично, нелестное различие между трудолюбивым его клиентов и нерадивостью братьев, что и побудило, очевидно, судью-епископа вынести приговор в пользу последних. Приговор был прочтен, с соблюдением соответствующих формальностей перед муравьиными холмами в январе 1713 года. И что удивительней всего: муравьи повиновались. «Они устремились десятками тысяч вперед и замаршировали колоннами на отведенное им место». Разумеется, никто не осмелился предположить, что они ушли бы и без епископского приказа.

Виноградники округа Сан-Жульена, в Альпах, в XVI веке дважды подвергались разрушительному нашествию насекомых-вредителей. В первый раз, в 1545 году, с целью уничтожить насекомых и, и прогнать их, жители служили мессы и обходили в религиозных процессиях виноградники. Подробности этих церемоний описаны в дошедших до нас документах

той эпохи, уверяющих, что вскоре это бедствие прекратилось. Но через сорок лет оно снова повторилось и на этот раз насекомых судили и приговорили к изгнанию. В этом процессе обращает на себя внимание та

збота, какая была приложена к предоставлению насекомым подходящего места жительства. Специальная комиссия, в которую входил и их защитник, после тщательных к долгих поисков, выбрала, наконец, участок земли для поселения изгнанников. Был составлен соответствующий официальный акт передачи этого участка в вечное пользование насекомых, при чем добрые жители Сан-Жульена в заботе о насекомых не забыли и своих собственных интересов: они сохранили за собой право прохода по заповедной территории («без нанесения ущерба пастбищам вышеупомянутых насекомых») и дальновидно оговорили, что закрепляют за собой все права на возможные минеральные богатства этого участка.

Отдаленное место изгнания на Мон-Сени было исследовано обеими сторонами и нанесено на карту, с подробным описанием природы его растительности. Оставалось только переселить туда насекомых. Но тут возникло роковое затруднение: достойный мэтр Фийоль, защитник насекомых, привлек внимание властей к тому факту, что войска герцога Савойского, готовящиеся вторгнуться на территорию маркиза Салюццо, должны будут пройти по заповеднику насекомых. Невозможно, — сказал он, — чтобы его клиенты поселились в местности, которая в ближайшем будущем будет истоптана солдатами и посужит местом для лагерных палаток. Исполнение приговора приостановили и отложили на время прохода войск. А когда солдаты, наконец, покинули местность, мэтр Фийоль заявил, что





войска нанесли столько ущерба, что он никак не может считать теперь этот участок подходящим для жительства его клиентов. Жаль, что те же самые насекомые, а может быть и мыши, уничтожили документы с изложением дальнейшего хода этого дела. Так и осталось неизвестным, как его уладили.

Гораздо меньшее поле изобретательности открывалось представителям закона в тех случаях, когда преступником являлась свинья, бык, собака или другое крупное животное. Мог возникнуть только один вопрос: подлежал ли четвероногий обвиняемый светскому или же церковному суду. Дальше же дело обстояло просто: бык, собака или кошка, обвиняемые в чем-либо, арестовывались, отводились в тюрьму и содержались там на общественный счет до привода в суд. Такому преступнику оказывали такое же правосудие, как и людям, вплоть до того, что подвергали его пытке, чтобы вынудить у него признание.

Свиньи зачастую появлялись перед судом. Их обычным преступлением было детоубийство. Это станет понятно, если вспомнить, что почти до конца семнадцатого века, даже в самом Лондоне, свиньи бродили по улицам, выполняя обязанности мусорщиков. И в Лондоне, как и в других английских городах, и в городах остальных стран Европы, копошившиеся на улицах свиньи забирались в бедные жилища и убивали или пожирали спящих в колыбели детей.

После трагедии следовал фарс. Суд, найдя свинью виновной, приговаривал ее к смерти и казнил со всеми отвратительными формальностями, сопутствовавшими казнь преступника - человека. Делалось все, чтобы поддерживать идею о животном, как об ответственном существе. Настолько, что свинью иногда наряжали в человеческое платье и в таком виде приводили на эшафот. В Аббервилле в 1490 г., во время казни свиньи-детоубийцы, звонили в церковный колокол! Мысль эта в своей основе покоилась на законе Моисея: животное, которое убивает человеческое существо, должно быть уничтожено, и его мясо выброшено, как нечистое. Средневековые законодатели восприняли его, как указание на то, чтобы во всем применять к такому животному человеческую мерку, и довели этот взгляд до крайних нелепостей. В Мортэнъ, в 1394 году, суд отметил следующее отягчающее вину свиньи обстоятельство: «она ела мясо ребенка, несмотря на то, что была пятница», т.-е. постный день!

Закон той эпохи не вмешивался, если человек убивал свинью или собаку. Но с момента ареста животное переходило, так сказать, в собственность закона и становилось неприкосновенным. Палач города Швейнфурта навлек на себя большие неприятности несоблюдением всех законных формальностей. 9 июня 1576 года г. одну свинью застали на

месте преступления: она откусила ребенку ухо и изувечила ему руку. Но ее успели во время отогнать. Поймавший свинью отдал ее под стражу, и при обычных обстоятельствах разыгрался бы обычный фарс. Неясно, почему именно вмешался палач. Он схватил свинью и тотчас, притащив ее на место казни, повесил ее на глазах у толпы зрителей, «к бесчастью и ущербу всего города», — как говорится в обвинительном акте. Возмущение местных судебных властей было

такое, что ему пришлось спасать бегством свою жизнь. Он никогда больше не осмелился показаться в Швейнфурте.

За меньшие проступки налапались меньшие наказания. Собака барабанщика одного австрийского полка укусила за ногу члена городского совета. Потерпевший подал в суд на владельца собаки, который почтительно отказался принять на себя ответственность за поведение своего пса, предложив передать преступника в руки правосудия. Собаку приговорили к году заключения в железной клетке на рыночной площади, в которую обычно сажали людей за нарушение общественного порядка. Неизвестно, удовлетворила ли эта мера разгневанного городского советника.

И у птиц иногда случались столкновения с правосудием. В Трире, на реке Мозеле, существует поверье, что ласточка, влетевшая в собор, упадет мертвой. Происхождение этого поверья таково: в средние века трирскому епископу Эгберту крайне досаждали залетавшие в собор ласточки, которые своим громким щелчком мешали служить мессы и грязнили алтарь. Поэтому епископ запретил птицам влетать в собор под страхом смерти. И это далеко не единственный пример. Состарившаяся курица, которая пыталась петь петухом, была признана опасной для общественного спокойствия, судима и приговорена к смерти.

Наши современники сами сажали животных на скамью свидетелей. И почему бы нет? Нельзя заставить собаку принести свидетельскую клятву, но ее свидетельство может быть более достойно доверия, чем людское. Несколько лет тому назад одному полицейскому судье Лондона предстояло решить — кому принадлежит собака из породы терриеров. Права хозяина оспаривали двое. Судья, не будучи дураком, предоставил решение этого вопроса самому терриеру, который, когда его привели в зал суда, презрительно отвернулся от одного из обоих предполагаемых владельцев и радостно кинулся к другому.

А вот недавний случай в Берне, где есть знаменитый питомник медведей. Один из помощников сторожа обвинил главного сторожа в жестоком обращении с медведями. Суд кантона Берна оказался в затруднительном положении. Свидетели помощника сторожа подтверждали это обвинение, а свидетели обвиняемого и сам он отрицали его. Тогда защитник обвиняемого предложил: «Пусть свидетельствуют сами медведи. Они-то знают, кто ласков с ними и кто нет». Члены суда согласились на это предложение и решили: «Пусть придут медведи, обвиняемый и его свидетели

станут с одной стороны, а обвинитель со своими свидетелями с другой».

Служащие питомника выстроились, как им было приказано. Ввели двух медведей. Они тотчас же разрешили спор: едва лишь завидя помощника сторожа, уверявшего, что он их друг и покровитель, одно из животных направилось к нему с явным намерением нанести ему лапой свирепую пощечину. Было несомненно, что оно хочет свести с этим человеком какие-то личные счеты. Когда же обвиняемый позвал медведей, они тотчас же спокойно последовали за ним из зала суда.



МЕРТВЫЙ ЛЕВ

Рассказ К. ВИГАНД.

В середине июля в курорт приехал большой цирк. Он расположился на окраине, недалеко от стекольных заводов и фарфоровых фабрик.

Курортные больные толпами фланировали каждый вечер по излюбленным и привычным дорожкам, и цирк их никак не мог заманить.. Только фабричные рабочие, оглушенные неистовым громом цирковой музыки, ослепленные ракетами и фейерверками, возбужденные шелканьем хлыста наездников, ревом и запахом зверей, толпились со своими детьми и женами у огромного шатра, поддерживаемого двумя высочайшими мачтами. Это было одно из тех цирковых предприятий, которые стали насаждать в Европе, из подражания Америке, цирк с многочисленными слонами, дрессированными морскими львами, боксирующими кенгуру, ничего общего не имевший с старыми цирками, где главным номером выступал придурковатый клоун.

Однажды, вечером я решил посетить представление. После первых номеров мне уже хотелось сбежать оттуда, ибо дрессировщик слонов, который до крови избил хлыстом кроткого добродушного слоненка, внушал мне только отвращение. На арене, как пьяные свиньи, катались три совершенно лишенных чувства юмора тупоумных клоуна. Я оставил себе место и пошел к стойлам. Там накормил пару пони, дослушал ругань ворчливого конюха и направился обратно в зрительный зал. В это время при бледном освещении раскрывали огромную клетку.

На программе крупными красными буквами было написано:

МИСТЕР ЛИДС
и его 10 дрессированных берберийских львов.

Когда висячие электрические лампы вновь вспыхнули ярким светом, мистер Лидс, одетый в ярко-голубую форму плотно облегающую его фигуру, и в фельдгерские сапоги, эластичной походкой выступил вперед, стал на барьер арены, поклонился в обе стороны и снова отступил назад. В руках он держал два длинных ремневых хлыста с короткими ручками, а из кобур на его поясе угрожающе торчали рукоятки двух револьверов. Музыканты на своем возвышении непрерывно играли какой-то оглушительный марш.

В клетку ввели целую группу львов с развевающимися гривами. Они покорно опускали головы перед укротителем, который приветствовал их шелканьем своего длинного хлыста. После этого началось обычное цирковое представление, «которое уже сотни раз до этого показывалось в разных местах. Преодолев свой страх, русская степная собака, сильная и белая, как снег, проделывала разные фокусы, которые за нею повторяли большие кошки. Они рассаживались на планках и лестницах, перепрыгивали через обручи и бочки, катали шары, катались на качелях и каруселях.

Среди откормленных, лоснившихся животных выделялся мелкий, худощавый, взъерошенный лев, с короткой гривой, едва достигший двухлетнего возраста, который явно тяготился представлением и отказывался выполнять некоторые номера. Можно было подумать, что это обычный трюк, однако, укротитель не спускал глаз с непокорного льва, постоянно награждая его хлыстом и дважды выстре-

лил в него холостыми зарядами, так что мысль о том, что непокорность нарочно инсценирована, не могла притти в голову. При каждом ударе хлыста взъерошенный лев шаркался в сторону, присаживался для прыжка и с яростью раскрывал свою пасть.

Все это не производило еще большого впечатления. Только когда были уже сделаны, все приготовления для прыжка через обручи, поведение льва становилось все более и более угрожающим. В каждом номере программы львы располагались в определенном порядке. Когда мистер Лидс погнал их хлыстом на свои места, взбунтовавшийся лев бросился в гущу зверей, привел их в замешательство и страшным прыжком уселся на возвышении, скаля оттуда зубы.

Как ни в чем не бывало, укротитель медленно подошел ко льву и за шиворот стащил его с возвышения. В течение представления укротителю пришлось таким путем два раза снимать с возвышения упрямого зверя. Потом, когда он неосторожно отошел от льва, тот бросился на него, цапнул его лапой и вырвал из его костюма большой кусок материи. В мгновенные ока укротитель повернулся и уставился на льва таким острым взглядом, что тот в ужасе бросился бежать. После этого он с помощью своего степного пса заставил львов перепрыгнуть через горящие обручи и выгнал зверей с арены.

Только короткошерстый львенок ни за что не хотел покидать арену. То и дело, после каждых четырех или пяти шагов, он возвращался обратно и, как только мистер Лидс подступал к нему с хлыстом, он присаживался, готовый к прыжку. Укротитель вложил свой револьвер в кобуру, бросил в сторону хлыст, схватил обеими руками деревянную скамейку и поднял ее высоко над головой, чтобы бросить ее в разъяренного зверя.

Но прежде, чем он успел хорошо прицелиться, лев прыгнул на него и только мимолетным движением мистеру Лидсу удалось спасти свою жизнь. Мгновенно открыл он незаметную для зрителей решетчатую дверь огромной клетки и тотчас же захлопнул ее за собой. Зрители услышали только, как тело льва хлопнулось о закрытую стенку клетки.

Поднялась невероятная суматоха. Женщины сидели как окаменелые, «некоторые стали кричать и прижимали к себе своих детей. Музыка внезапно умолкла. Почти вся публика поднялась с мест. Сотни человек устремились к выходу. Владелец цирка с поднятыми руками бросился в середину арены и, заглушая шум, начал кричать истошным голосом:

— Не уходите, не уходите! Никакой опасности нет!

Одетые в форму цирковые служители и конюхи тотчас же прибежали с пожарными рукавами и пустили струю воды в непокорного льва, пока не заставили его оставить арену.

После этого вынесли большую клетку, в которой происходило представление. Но прежде, чем публика успела окончательно успокоиться, за ареной послышались два выстрела. Владелец цирка появился второй раз.

— Почтеннейшая публика! — кричал он на весь цирк. — Для вашего успокоения я имею честь доложить, что мистер Лидс только-что застрелил взбесившегося льва, который, кстати сказать, только недавно был им приобретен для своей замечательной труппы. Я покорнейше прошу вас занять свои места. Представление, с разрешения полиции, продолжается.

При этих словах на арене появился одетый в желтое наездник.



В мгновенные ока укротитель повернулся.

Когда после пяти или шести номеров, которые публика смотрела уже без всякого интереса, зрители направились к выходу, она увидела там убитого льва, на лбу и гриве которого выделялось ярко красное кровавое пятно.

С этого дня дела цирка пошли блестяще. Газеты со всеми подробностями описали случай с взбесившимся львом, а после этого у кассы цирка стали толпиться очереди. Курортники сидели в ложах, не спуская жадных глаз с укротителя, клетки и зверей в ожидании еще более потрясающих приключений.

Прошло несколько дней. Я принимал солнечную ванну на берегу реки и, бросив взгляд на своего соседа, узнал в нем мистера Лидса, который загорал на солнце. Так как люди, умеющие укротять львов, всегда привлекали мое внимание, я заговорил с мистером Лидсом и после нескольких фраз о благотворном влиянии солнечных лучей, он предложил мне проводить его. Было 5 часов дня и укротитель торопился кормить своих зверей.

Когда мы подошли к зверинцу, львы беспокойно прыгали в своих клетках, но как только звери почуяли мистера Лидса, они успокоились и стали валяться на спинах. Они позволяли ему трепать их за гриву, терпеливо держали открытой пасть, когда он всовывал туда руку и как только он оборачивался спиной к клетке, ласково лизали ему начинавшую выступать лысину.

Я уже задал несколько вопросов укротителю и, естественно, коснулся случая со взбесившимся львом. В это время мы стояли около двухлетнего взьерошенного льва и укротитель хладнокровно заметил:

— Самое трудное, это вызвать у хорошо выдрессированного льва припадок бешенства с таким расчетом, чтобы все обошлось благополучно.

Лев в это время неистовствовал за решеткой и мистер Лидс поспешил меня успокоить:

— Вы не бойтесь, это славнейший малый во всем мире!

С этими словами он вошел в клетку, стал теребить шаловливого льва и дал ему пощечину.

Я указал «а лежавшую мясную тушу и спросил:

— Не съедают ли львы весь ваш заработок?

— Нет!—ответил мистер Лидс.— С одним мертвым львом можно заработать больше, чем с двенадцатью живыми.

— А что, разве убитый лев был хорошо застрахован?

Лидс испытующе посмотрел на меня и процедил сквозь зубы:

— За убитого зверя я ничего не получаю.

— Мне все-таки кажется, что вы поступили слишком поспешно, застрелив того льва. Ведь если он больше не годился для цирковых представлений, его можно было продать в зоологический сад.

— Я всегда так и поступаю!—ответил спокойно Лидс.

— Почему же вы теперь отступили от своего правила.

— Потому, что лев все-таки годится еще для цирка.

— Для цирка?!—спросил я с насмешкой.— После того, как он чуть не лишил вас жизни.

Мистер Лидс задумался, посмотрел вдаль и произнес:

— И очень далее годится.

Так как мое любопытство далеко не было удовлетворено, я снова спросил:

— Так (вы не получили страховой премии? Хозяин цирка ежедневно загребает кучу денег, а вы терпите убытки.

— Убытки?—усмехнулся Лидс и стряхнул пепел со своей папиросы.— Убытки! Я бы хотел когда-нибудь сделать такое хорошее дело.

— Ну, в таком случае, я, вообще, ничего не понимаю.

Лидс ответил не сразу. Он пригнул взьерошенного льва к земле, подразнил его и протянул ему кость.

— Я готов держать пари,—сказал я,—что тот взбесившийся зверь был братом этого льва, по крайней мере, они чертовски похожи.

— Не держите пари,—засмеялся Лидс,—но дайте мне слово, что вы не сразу напечатаете в газете то, что я вам сейчас расскажу. Это не брат того взбесившегося льва, это он сам.

Теперь я ничего не понимал.

— Так вы, стало быть, прикончили другого льва?

— Боже сохрани! Лев, который лежал в выхода, умер за два дня до того вечера.

— Ах, вот как!—воскликнул я, смеясь.— Значит, вы застрелили уже мертвого льва.

— Тише, тише!—прервал меня Лидс и шепотом добавил:

— Я заключил со стариком контракт, по которому он обязался платить мне тридцать процентов с выручки, если мне удастся каким-нибудь трюком добиться полных сборов.

ПОЛУПОДВОДНЫЙ ДРЕДНОУТ

Очерк В. КАЙСАРОВА.

В настоящее время техническая мысль изыскивает методы повышения обороноспособности судна, без увеличения его водоизменения или тоннажа. Подобная попытка сделана итальянским инженером-кораблестроителем Набор Солиане.

Он разработал проект дредноута, способного погружаться в воду таким образом, что все его жизненные части (машины, механизмы, снарядные погреба и пр.) прикрыты от поражения снарядов противника помимо брони и слоев воды. В боевой позиции корабля над поверхностью воды остаются орудийные башни, командные посты, пушечные и пулеметные установки и т. д., поставленные на очень прочную вторую палубу, бронированную.

Дредноут Солиане имеет в боевой позиции (полупогруженное положение) водоизменение 20.000 тонн, из которых одна треть приходится на долю водяного балласта. Последний занимает особые камеры, окаймляющие оба борта судна с носа до кормы. Они образованы, благодаря делению корабля двумя продольными и рядом поперечных перегородок, на ряд изолированных друг от друга отделений (отсеков). Когда корабль возьмет полный балласт воды, то он полупогружается в воду, причем одна шестая его длины будет находиться под водой, толщина слоя которой над главной (основной) палубой не меньше 4 футов.

Над этой палубой возвышается вторая, броневая палуба, толщиной в 6 дюймов. Поставленная на броневую кольцевую стенку, она отделена от основной палубы толстым слоем пробкового дерева. Броневая палуба прикрывает жизненные части корабля и служит площадкой, на которой устанавливается его вооружение: 6 пятнадцатидюймовых пушек в двух трехорудийных башнях, 8 орудий калибром 4,7 дм., 4 зенитных 4 дм. пушки, пулеметы, проектора, броневые командные посты, раздвижная мачта для антенны, труба для выпуска продуктов горения и пр.

Разумеется, для броневой палубы наиболее опас-

ными будут такие снаряды, которые упадут на нее под крутым углом. Но подобный снаряд должен быть выпущен противником издали и к моменту попадания на палубу он потеряет значительную часть своей скорости полета и не будет в состоянии пробить броню. Взрыв его здесь может разрушить броню, но осколки будут перехвачены пробковой прослойкой и окончательно остановлены глазной палубой. Тоже самое следует сказать и о азробомбах. Они хотя и падают отвесно, но обладают незначительной пробивной силой. Весь эффект их работы сведется к взрыву на поверхности бронеприкрытия.

Снаряды противника, падающие на ту часть корабля, которая прикрыта водой, будут отражаться последней (рикошетировать) и, изменив направление полета, найдут себе могилу на дне моря.

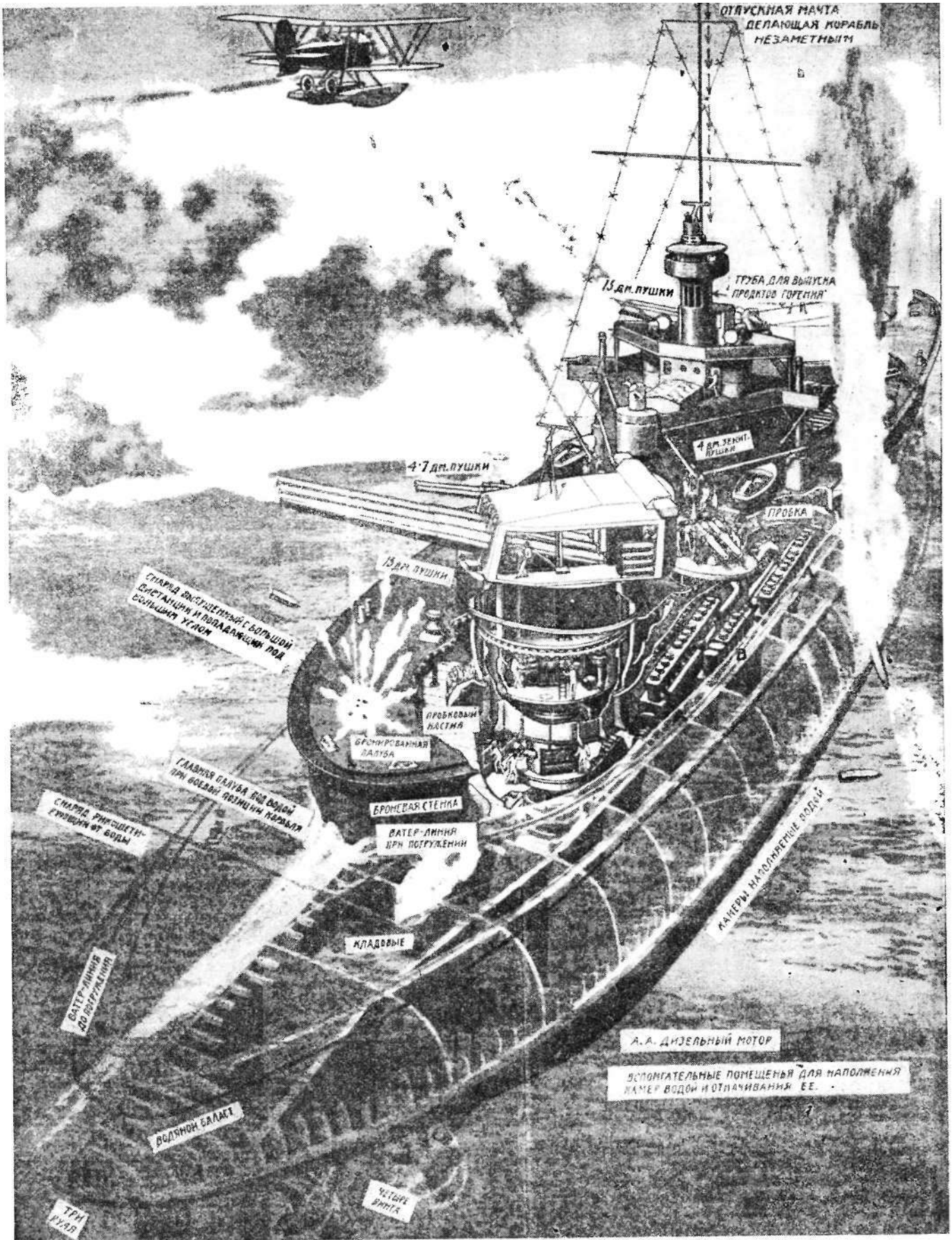
Остаются торпедные атаки. Но торпеда, взорвав борт судна, встретит толщу воды и потратит всю силу своего взрыва на производство эффектного фонтана воды, как видно на нашем рисунке, показывающем внешний вид и внутреннее устройство корабля. Последней ответит на взрыв разве лишь небольшим уменьшением скорости и только.

Для заполнения камер водой служит целый ряд вспомогательных приборов, отмеченных на нашем рисунке буквами В; буква же А показывает размещение дизелей.

Наполнение камер водой такого корабля дело не шуточное и, вероятно, потребует не менее 15—20 минут. Вообще говоря это много (подлодки погружаются в 1—2 минуты), но дредноут не беззащитен и в наводном положении.

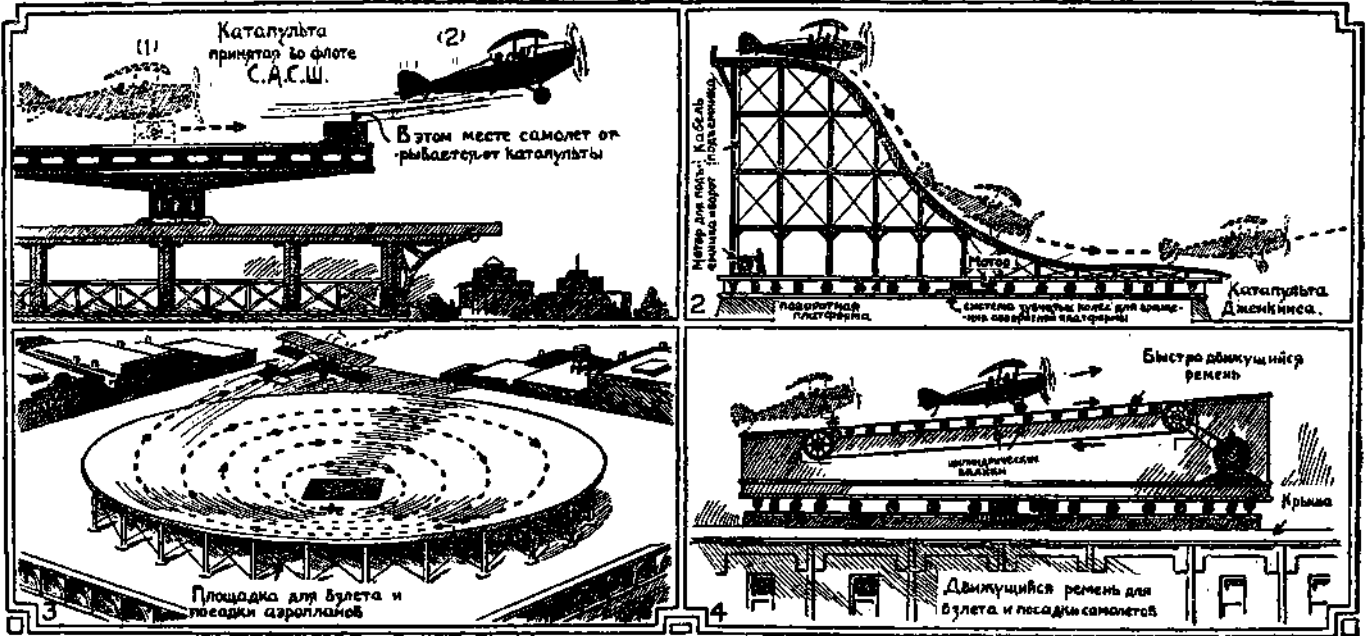
Ему не приходится особенно бояться неожиданной встречи с более мощным противником, так как последний, вследствие своих больших размеров, будет обнаружен раньше. Во всяком случае, он сумеет дать первый отпор и будет иметь время для занятия боевой позиции.

ПОЛУПОДВОДНЫЙ КРЕЙСЕР



АЭРОДРОМ НА КРЫШАХ

Различные приспособления для взлета аэропланов с крыши



Подъем аэропланов, указанный на рис. 1, уже несколько лет практикуется на боевых судах С.А.С.Ш. Рис. 2 изображает катапульти, подробное описание которой дано ниже. На рис. 3 показан спиральный метод подъема и посадки

самолетов. Рис. 4 передает идею движущейся платформы, применимой как для начального взлета, так и для посадки самолетов. В последнем случае ремень движется в сторону, противоположную движению аэроплана.

Способы посадки аэроплана на маленьких площадках

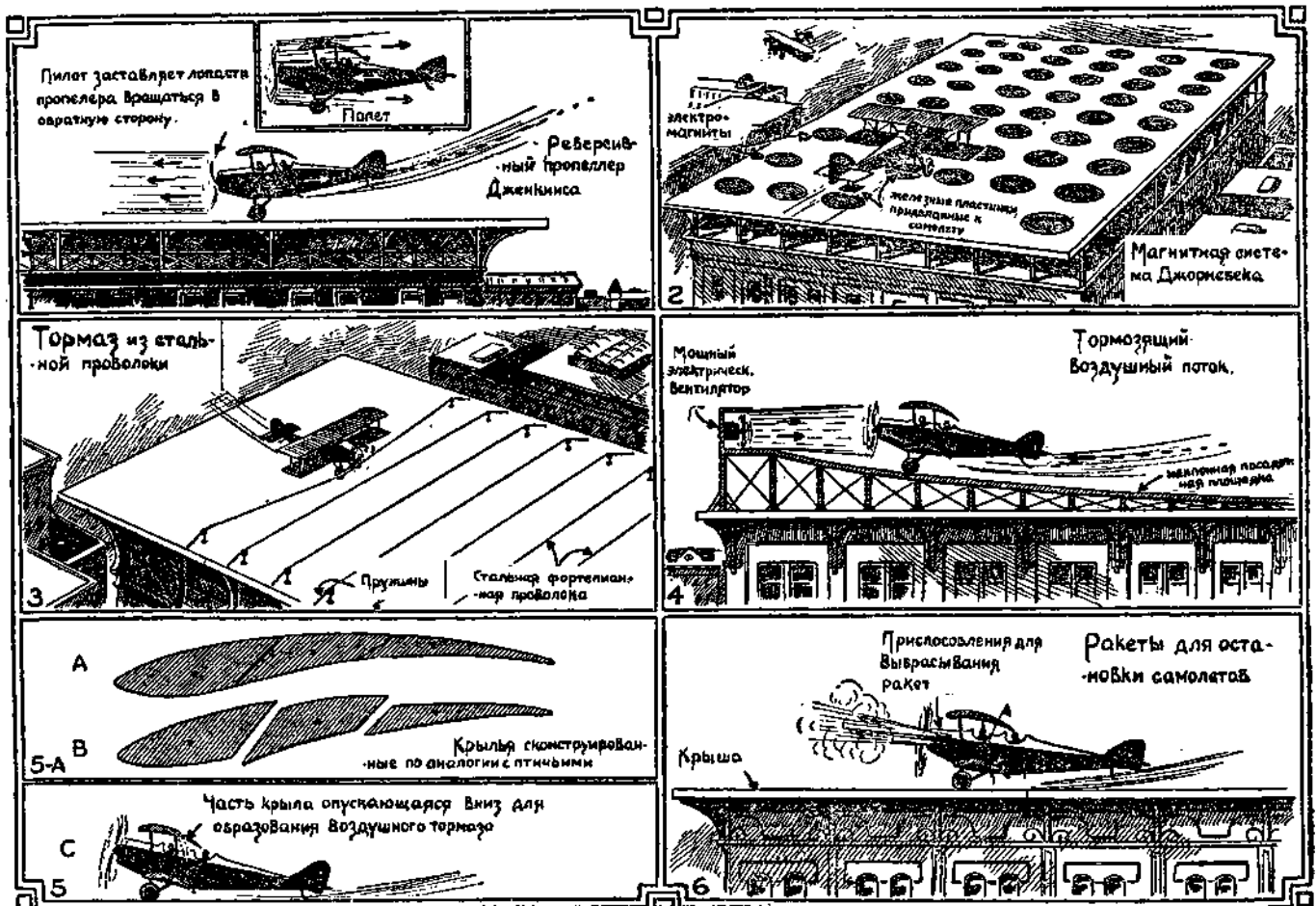
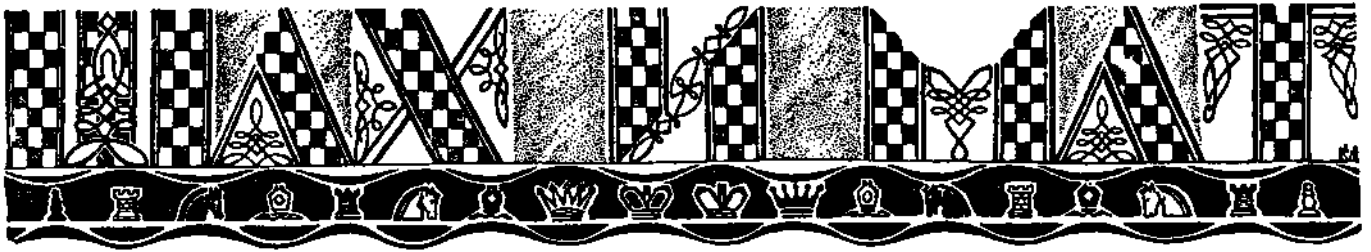


Рис. 1 дает двойное изображение реверсивного пропеллера Дженкинса; когда лопасти пропеллера начинают вращаться в обратную сторону, аэроплан быстро теряет скорость и останавливается, пробежав только короткое расстояние. Во время полета пропеллеру нельзя дать обратного хода,

который возможен лишь после того, как самолет коснется своими колесами земли. Рис. 2 изображает давнишний проект Г. Джорнсека, предлагающего установить ряд электромагнитов на крыше и железные пластинки на самолете. Другие способы посадки ясны из рисунков.



Первый чемпион мира.



Первым официальным шахматным чемпионом мира был Вильгельм Стейниц. Он родился в Праге 18 мая 1836 г. В шахматы он начал играть в конце 50-ых годов, а в 1852 г. был послан венским шахматным клубом на ЛОНДОНСКИЙ турнир. Здесь он обратил на себя всеобщее внимание своей блестящей игрой. В Англии Стейниц жил 21 год и после этого переселился в Нью-Йорк 1-е призы на больших турнирах он брал только 3 раза: в Лондоне на турнире 1872 г. и в Вене в 1873 и 1882 гг. Зато он достиг изумительных результатов в матчах, которых он сыграл в течение нескольких десятилетий больше 30. Он выиграл матчи у таких шахматных корифеев того времени, как Дюбуа, Блэкберн, Берд, Чигорин и др. Звание чемпиона мира он получил в 1886 г. после победы над Андерсеном и с честью удерживал это звание в течение 28 лет до 1894 г., когда он пал от руки молодого д-ра Ласкера, выигрывшего у него матч в Америке со счетом + 10, - 5, = 4. Умер Стейниц 12 августа 1900 года.

Стейниц создал так называемую „современную школу шахматной игры“.

Партия № 3.

Сицилианская.

Штрана на последнем международном турнире в Гестинге.

Шгсйнер — Кмох.

1. e2 — e4, c7 — c5, 2. K g1 — f3, K g8 — f6, 3. K b1 — c3, d7 — d5, 4. c4 : d5, K f6 : d5, 5. K f3 — e5! (интересная новинка!), K d5 : c3, 6. b2 : c3, Ф d8 — d5, 7. C f1 — b5+, 8. b3 — d7, 8. Ф d1 — e2, a7 — a6, 9. C b5 : d7+, C e8 : d7, 10. 0 — 0, C d7 — f5 (потеря темпа, лучше было бы сыграть 10... e7 — e6), 11. d2 — d3, e7 — e6, 12. Л a1 — b1 (грозят 13. c3 — c4 с выигранным пешкой b7), b7 — b5, 13. c3 — c4, b5 : c4, 14. K e5 : c4, Ф d5 — c6, 15. g2 — g4!

Решение задачи № 1.

1. Ca7 — f2. На ход черных слонем a5 последует K a4 : c3x или K a4 B>X (в зависимости от того, на какой линии пофуге ч< pihifi слон); на b7 — b6 или b7 : ab последует C d7 — cNx; на любой ход черных конем c3, белые отвеят c2—c4 - ; на e1 e3 последует Ф ^4 c-!X; на любой х д черных конем go последует Фg4—e6x или Cd7—e6x; на любой ход черным слонем g6 белые отвеят Л : d6X; наконец, на g7 : b6 последует K по - bх.

Правильные решения прислали* Сабенин, С. Бал >В, А. Березы И<В, Б. Чипулис, В. Чехович, В. Забо(с)к, ИИ, К. Сыропоршневу, В. Юрын, Б. Ноткин, О. Манн рт, П. Летугин (Ленинград). А. Аропсон, Е. Бахлов, П. Ив.нов и С. Наумов, Бах, Ф. Гаврилин, Ю. Б] енсв, 3.

Шахматная жизнь.

За границей.

Берлин. Здесь начался международный турнир с участием Нимцовича, Видмара, Боголюбова, Рети, Рубинштейна и др. гроемейстеров. Результаты и наиболее интересные партии турнира будут на нас напечатаны.

Ам тердам. В апреле месяце в разных городах Голландии предполагается организовать матч из 10 партий между молодым чемпионом Голландии Эйве и Боголюбовым.

По СССР

Матч на первенство СССР

Матч на первенство СССР между Ф. П. Богатырчуком и П. А. Романовским состоится в мае с. г. в Ленинграде. Как известно, на последнем всес. юзном шахматном турнире в Москве оба н званных мастера разделили I-II и II-II призы.

Ленинград. Начался чемпионат города. В турнире участвуют мастера Романовский, Ильин-Женевский, Лсвенфиш, Модель, Арв. Кубель и Готчильдо и ряд сильнейших игроков Ленинграда.

Могилев. Здесь состоялся международный шахматный турнир, на котором приняли участие лучшие шахматисты Белоруссии. Победа досталась Витебску и Гомелю (п > 11 ^ из 15), на третье место вышел Могилев (4 из 10), на четвертое — Климовичи (*).

Кострома. Создана ассоциация учащихся шахматистов.

Ишим. В селе Ламенском состоялся турнир. Результаты игры показывают удовлетворительную подготовку деревенских шахматистов и общее развитие шахмат в деревне.

(у белых значительное преимущество в положении, которое они энергично используют). C f5 g6, 16 f2 — f4!, 17 — f6 (вынужденно, ибо на 16... h7 h6, последовало бы 17. f4 — f5 с последующим Л b1 — b6), 17. Л b1 — b6, Ф c6 — d5, 18, Л b6 : e6+, Кр e8 — d8, 19 К c4 — b3, Ф d5 — b7, 20. K b3 : a8. Черные сдались.

Перля, Б. Черкасов, Пун^нский (Москва), Б. Житков (Троцк), П. Джегерис (Брацлав), Г. Флсюк (Киев) Н. Резвий, (Ос; ам ков), Э. Эллер (Новосокольн жи), М. Захаров (г. Юхнов), Т. Дмитриев (Каневская), Задерсик (Ха^ьков), В. Лир (Ейск), П. Волошин (Константинова), П. Т лаев (Ха^ьков), А. Рукавишников (Юрьсвец), П. Васильчакив (Енаклево), П. Виляк (/Куковка), В. Ясннков (нос. Ворзель), П. Макаров (Бугуруслан), Г. Полощу к (Береань), М. Сарикив (Горбагов), Вл. и Вал. Эр)Стovy (Сумы), А. Трегер (Белая Церковь), Я. Ка ужск:1И (Полтава), В. Лопухин (Новочеркасск), Волосов (Симферополь), Н. Кр люшев (Нахичевань), Ф. Шкредов (Стал и), В. ОНО1.ко (Юрьевен), С. Соколов (С ратов), К. Ульянов (Юрьсвец), Г. Никитин (Таганрог), Колушев (Саратов), Д. Астахов (Орел), Огонь-Догановек.й (Одесса), П. Величко и А. Лобанов (Щерблюновск ;й рудник), П. Пичев и С. и Н. Ваижковы (Солы1.), Бояршипов (Вязьма), В. Злмкин (Ульяновск), С. Зак (Бердичев), А. Гаврилов (Кропоткин), П. Сок лов (Троцк), Л. Сер юков (Стал и), А. Лернер и В. Волошин (Винница), Бах. (Окончание следует).

Решение этюда JVс I.

1. B5 — B6, a7 : B6 (при всяком другом ходе черных белые н! медленно выигрывают), 2. K ab c7+! C df : e7 (Нй Кр. e8 (18 осле дуст 3. a 5 — a3 с дальн» йшим продвижением этой ешки), 3. a0 — av, C c7-B8, 4. c6—c7, C b8 : c7, 5. av a7. Пешка а беспрепятственно проходит в ферзи, и бсье выигрывают.

Правильные решения прислали: В. Заборский, И. Дсоисьяк, Б. Ноткин, К. Сыронришнев. В. Чехович (Ленинград), Е. Бахлова, Бах, К. Бренев, 3. Перля, Пунинский (Москва), А. Лернер и В. Волош и (Влпнля), П. Соколов (Троцк), А. Гаврлов (Кропоткмй), В. Зимкин (Ульяновск), С. Зак (Бердичев), Огонь-Доган» век ли (Одесса), К. Ульянов (Курьсвец), С. Соколов (Саратов), П. Крив >шев (Нахичевань), К. Фадеев (Кунцево), Я Калулс:сий (Полтава), П. Васильчиков (Енакиев), Г. Полешук (Березаиь), В. Яеников (пос. Ворзель), В. Невлович (Батайск), В. Иоффе (Порхов), Кремнев (Шуя), А. Дымков (ст. Быково), А. Краснобрыжий (Баку), В. Локотош (Краматорская), А. Рукавишников, В. Оноико (Юрьевен), Н Акимов (Могллев), Б. Бормотов и П. Ратников (Харьков), М. Семин (Сухиничи), П. Клешсв (Архангельск), П. Мязежный (Красноград), С. Стенанюк (Киев), С. Барский (Кременчуг), \. Сердюк (Запорожье), А. Епифанов (Новочеркасск), И. Турчанский (Чернлгов), С. Габ.с (Ялта), В. Лир (Ейск), Задеренко (Харьков), Т. Дмитриев (Каневская), Э. Эллер (Новосокольникп), Н. Резвий (Осташков), Г. Флсюк (Киев), П. Джегерис (Брацлав), Б. Жидков (Троцк), Г. Шкап дин.

(Окончание следует).

По следующего отдела мы начнем регулярно вести „Берениеку с читателями“.

ЁЖ!**ЁЖ!****ЁЖ!**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1928 г.

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ**

1928 г.

**ДЕТСКИЙ
ЖУРНАЛ****„ЁЖ“****ДЕТСКИЙ
ЖУРНАЛ**

Единственный в СССР журнал, рассчитанный на детей от 7-ми до 12-летнего возраста

В журнале „ЁЖ“

1. Повести, рассказы и стихи лучших современных писателей.
2. Ящик фокусов, игр, загадок.
3. Клуб читателей: Переписка с читателями, стихи, рассказы и рисунки ребят.
4. Календарь Октябренка: Что нового в СССР, памятные даты, что, как, где строят. Школьные и пионерские новости.
5. Лесная Газета: Календарь природы. Работы юных натуралистов. Новости зоопарка. Лесные новости и пр.
6. Письма с поезда, с корабля, с самолета: Рассказы и статьи участников современных экспедиций. Последние географические открытия и пр.
7. Фототелеграммы: Снимки у нас и за границей собственных корреспондентов.
8. Кружок умных ребят «КУР»: Лаборатория на дому. Мастерская самоделок. Задачи. Головоломки
9. Ежовые рукавицы: Смешные стихи и рассказы про лентяев, нерях, курильщиков и пр. Суд ЕЖА.

В журнале „ЁЖ“

принимают участие:

Писатели:

Акульшин, Р., Асеев, Н., Бабель, И., Белых, Г. Бианки, В., Богданович, С., Будогосская, Л., Введенский, А., Венгров, Н., Горький, М., Каверин, В., Казин, В., Крандиевская, Н., Житков Б., Зошанко М., Ильин Н., Маршак С., Мукосеев, Олейников Н., Пантелеев Л., Плавильщиков, Полонская Е., Пришвин М., Пуни И., Слонимский А., Тихонов Н., Толстой А., Федин К., Федорченко С., Хармс Д., Чуковский К., Чуковский Н., Шаронов В., Швац Е. и др.

Художники:

Бруни Л., Ермолева В., Ефимова А., Коношевич В., Куприянов Н., Лапшин Н., Лебдев В., Львов А., Митурич П., Пихомов А., Самохвалов А., Сафонова Е., Соколов П., Татлин В., Тырса Н., Цехановский М., Шишмарева Т., Эвелбах Е. и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На 12 месяц.	3 р. 60 к.		На 3 месяца	1 р. — к.
„ 6 „	2 „ — „		„ 1 „	— „ 35 „

„ЁЖ“ дает также к каждому номеру интересные приложения.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА ЖУРНАЛА С ПРИЛОЖЕНИЯМИ:

На 12 месяц.	5 р. — к.		На 3 месяца	1 р. 40 к.
6 „	2 „ 75 „		„ 1 „	— „ 50 „

Цена отдельного номера 35 коп.

Заказы и деньги направлять: Ленинград, 2, Фонтанка, 57. Издательству „Красная Газета“.

ПОДПИСКА В ЛЕНИНГРАДЕ ПРИНИМАЕТСЯ: всеми организаторами подписки и цеховыми уполномоченными газетного бюро на фабриках, заводах и в учреждениях, почт.-телеграфн. конт. и письмоносами на дому. **Отделением „Красной Газеты“, пр. 25 Октября, 68.** Объединенными отделениями ленинградской „Правды“ и „Красной Газеты“ по Ленинградской Области, **магазинами Ленотгиза. По СССР.** Всеми почтово-телеграфн. конторами, отделениями „Правда“ и „Известия“, киосками Контрагентства печати.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1928 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1928 г.